

КОММЕНТАРИЙ В ИСТОРИИ КУЛЬТУРЫ

Н.В. Брагинская

КОММЕНТАРИЙ КАК МЕХАНИЗМ ИННОВАЦИЙ В ТРАДИЦИОННОЙ КУЛЬТУРЕ И НЕ ТОЛЬКО¹

ОЧЕРК, КОТОРЫЙ ПРЕДЛАГАЕТСЯ ниже, состоит из трех разнородных частей, каждая из которых могла бы существовать и самостоятельно. Первая представляет собою попытку дефиниции, вторая — беглый обзор современных трудов, посвященных комментарию, третья содержит краткое изложение проекта моих собственных исследований природы и функции комментария.

I. Что такое комментарий

Проблема дефиниции

Комментарий в последнее десятилетие стал темой, вызывающей острый интерес. В Москве в начале этого десятилетия, а в Западной Европе скорее в конце прошлого состоялось несколько конференций по комментарию, о которых пойдет речь ниже. Разумеется, отдельные примечательные работы публиковались в отечественной науке и ранее², не говоря уже о мировой. И тем не менее явно ощущается: что-то повернуло внимание в эту сторону. Материалы одной московской конференции опубликованы в НЛО в виде подробного отчета и ряда выступлений³, другой — в отдельном малотиражном сборнике⁴, третьей, прошедшей весной 2006 г. в ИГИТИ Высшей школы экономики, частично

публикуются в данном выпуске “Мирового древа”. Все три выявили, помимо интереса к теме, неизученность материала и его неопределенность, а следовательно, нерешенность или даже “непоставленность” многих проблем, связанных с комментарием как темой или как объектом изучения.

Посвященные комментарию Лотмановские чтения в РГГУ самым составом участников были, так сказать, “обречены” на обсуждение вопросов, касавшихся в основном проблем комментирования преимущественно русской литературы и положения комментатора с академическими амбициями в условиях книжного рынка современной России. На конференции в ИГИТИ преобладала экзегеза священных или философских текстов или проблематика таковой. Как бы ни были глубоки эти доклады, они не выходили за достаточно четко очерченные пределы своего материала⁵.

На конференции или, скорее, круглом столе в МГУ объект изучения начал было опасно расти и расплываться⁶. Понятие комментария пробовали примерять ко всем формам культурной деятельности — к интерпретации, аллюзии, парафразе, влиянию, заимствованию, иллюстрированию и, конечно, к научному исследованию чего бы то ни было. Обсуждение пошло в сторону расширения понятия комментария до вообще всего “вторичного”, и в качестве комментария стали трактовать балет или оперу, вообще музыкальное произведение, использующее литературную основу, картину, танец, любой артефакт, который себя с чем бы то ни было, уже сотворенным, соотносит как с первичным. Аналогичная судьба постигла некогда идею “диалога”, который, став всем, оказался в итоге ничем. Разумеется, всегда есть пограничные случаи. Так, изображение растения в ботаническом труде, будучи иллюстрацией, несомненно служит пояснением к слишком обобщенному и ненаглядному словесному описанию. И в целом рисунки и фотографии, диаграммы, схемы и чертежи имеют отнюдь не декоративные, но поясняющие функции в текстах. Но надо ли распространять на них понятие “комментарий”?

Чтобы комментарий избежал незавидной участи диалога, стоит, мне кажется, держаться некоторых дефиниций. Я думаю, что общее, родовое содержание всех разновидностей комментария —

это “гетероглоссия”. Комментатор говорит на языке некоей реальной или воображаемой аудитории. Даже если в вырожденном случае он обращается к самому себе, он сам есть аудитория. Комментируемый же текст чем-то от языка аудитории отличается: иноязычием в прямом смысле слова, древностью, “классичностью”, сложностью, художественностью, метром, несловесным характером знака. Таким образом, объект комментария я готова расширить до *текста* в семиотическом смысле, поэтому комментироваться может и футбольный матч, и любое произведение, и любой культурный акт, и артефакт, даже природное явление, когда и если оно подается *als ob* культурное. Но “сам” комментарий — это непременно *словесный текст*, не обязательно письменный, пусть и устный тоже. Кроме того, комментарий по своей структуре подчинен комментируемому, следует за ним, а все отступления от этого в высшей степени значимы как нарушение нормы и выстукивание границы “жанра”, которая может, конечно, передвигаться⁷.

Поэтому я полагаю, что история литературы не является комментарием ко всей литературе. Хотя всякое литературное произведение может быть объектом комментария, история литературы как явление — ничей артефакт, артефактом является только такая книга — “История литературы”, — и вот к ней уже комментарий может быть написан (или, если угодно, пропет, но не вылеплен и не протанцован).

Придется признать, что тем самым я возражаю сразу двум лучшим русским филологам — Ю.М. Лотману и М.Л. Гаспарову. Лотман в предисловии к своему комментарию к “Евгению Онегину” различает концепционные и текстуальные разъяснения к тексту. Концепционные — это “интерпретации: историко-литературные, стилистические, философские”, и они даются в статьях и монографиях. Текстуальные — это те, которые относятся “к предметам и явлениям быта как вещественного... так и нравственного... и социального” и к их художественной функции в тексте; эти даются в построчном комментарии⁸. С Лотманом я не соглашусь вместе с Гаспаровым⁹, но потом не соглашусь и с Гаспаровым. М.Л. Гаспаров считал, что преамбула самого Лотмана к “Евгению Онегину” — это тоже комментарий, хотя и не

построчный, и, конечно, “концепционный”. “Между концепционными и текстуальными разъяснениями к тексту, — писал Гаспаров, — нет разрыва, а есть постепенный переход, и ступени этого перехода соответствуют разному масштабу комментария. Комментарий может быть разномасштабным: к каждому слову, к каждому отрывку, к произведению, к авторскому корпусу, ко всей литературе эпохи”¹⁰. По масштабу можно выделить и больше классов, но возражение мое не в этом, конечно, а в том, что в комментарии любого масштаба можно давать справочный, конкретный, комментарий и “интерпретационный”, содержащий некоторое утверждение комментатора. При одном и том же масштабе будет градиционный переход от фактологически-справочного к интерпретационному. Скажем, можно привести значение слова из словаря, а можно написать целое эссе о его семантике и ее роли в данном тексте, абсолютно новое и “концепционное”. Иными словами, масштаб и концепционность сущностно не связаны. Я согласна с тем, что комментарии бывают концепционными, но отношу к таковым и “построчные” и даже пословные. А вот статьи и монографии, относящиеся к одному ли произведению или к целой литературе, комментариями только за то, что они что-то разъясняют, не признаю. То, что Гаспаров называет комментарием “суммарным”, мне представляется не комментарием, а “введением”, пролегоменами — особым типом текста, отличным и от комментария, и от проблемной статьи¹¹.

Но это не значит, что невозможен комментарий, а не введение, уже не к произведению, а к корпусу, например ко всему корпусу такого-то автора или даже “ко всей елизаветинской драме или ко всей русской романтической поэме”, каковых, по признанию М.Л. Гаспарова, ему видеть все же не приходилось, потому что они “выливаются” в монографии и тем самым “освобождают себя от обязанности быть исчерпывающе конкретными”. Ничуть не выливаются. Комментарий к корпусу представляет собою специфический справочный текст со своей собственной, чисто формальной, чаще всего алфавитной, упорядоченностью. Аннотированные именные, географические и реальные указатели к одному или многим текстам, например ко всем книгам Библии или ко всем стихам Пушкина, существуют давно и не являются недоразвитыми моно-

графиями. В рамках корпусной лингвистики С.И. Гиндин пользуется понятиями *филологического обеспечения* и *филологического сопровождения*, чтобы различить комментарий, относящийся сразу к целому корпусу и к конкретному его месту¹², “лемматический”, если можно так выразиться. Думаю, Гаспаров говорил именно о *филологическом обеспечении*, когда вспоминал старый комментарий к Горацию “вроде развернутого аннотированного тезауруса, с рубриками от религии и мифологии до еды и питья”. Такой комментарий для собрания эллинской и римской лирики составил в свое время и Я.Э. Голосовкер¹³. Имя мифологического персонажа объясняется не при каждом его упоминании, а однажды на своем месте в алфавитном списке. Но не так, как в мифологическом словаре, а так, чтобы были понятны все контексты его упоминания в поэтических произведениях данного собрания. Поэтому сокращенный, в соответствии с индексом имен, словарь мифологических имен тоже не будет комментарием.

Расплывчатость термина “комментарий” иногда кажется эвристически полезной провокацией. Возможно. Но возможно также, что расплывчатость отвечает длительному отсутствию рефлексии на этот счет в новоевропейской традиции, тогда как, скажем, еврейская традиция различные формы комментария выделила и назвала (об этом — в статье А.И. Шмаиной-Великановой, с. 77–89), как и средневековая европейская (*commentaria, commenta, enarrationes, expositiones, quaestiones, apparatus, postilla, etc.*). Конечно, античность знала несколько слов для комментария (*scholia, hypomnemata, syggramma, hyporhesis*), но терминами-то соответствующие слова как раз и не были. *Hypomnemata* называли и коллекции записей, и монографии, но это произошло не в результате осознанного построения терминологии, а “само собой”. Первоначально этим словом обозначались заметки, записи и выписки, которые читатель делал для себя, на память и иногда в помощь самому себе при составлении собственных книг (см., например: *Plut. De tran. an. 464F-465A*). Русское “записки” хорошо передает одно из значений этого слова. “Записки сумасшедшего” состоят из датированных записей, но “Записки из мертвого дома” и “Записки (*Commentaria*) о Галльской войне” не означают разрозненных фрагментов. Так и

в греческом словом *hupomnemata* стали называть связные сочинения, преимущественно ученого характера — риторического, исторического или медицинского; *ипомнематы* могли быть весьма объемистыми, и часто такое название означало заявку на “очерк”, нечто не вполне отделанное. Но если сочинение возникает не как результат самостоятельного научного исследования, а как сочинение экзегетическое, появляющееся в результате чтения какого-либо авторитетного текста — Гомера, Платона или Гиппократов, то и это сочинение будет называться ипомнемата. При этом ипомнематы могут затрагивать и целое произведение, и какую-то его проблему. Целостные ипомнематы (“монографии”) могут затем вновь превратиться в пояснительные глоссы на полях авторитетного текста, потому что их выпишет туда из книги комментариив штудирующий “классика” читатель. Такое встречается в реальных папирусах: на полях одного произведения — цитата или сокращенная цитата из известного комментария-ипомнемы. Так, грубо говоря, и появляется сноска-комментарий (*hupomnema*), опирающаяся на авторитет “исследования”, которое называется так же¹⁴. Не думаю, что современным исследователям следует выбирать для себя что-то одно из богатой, но несистематической терминологии древних, их слова обладали такой же многозначностью, как наши, поэтому лучше всего всякий раз оговаривать, в каком смысле “комментарий” используется здесь и сейчас. Я привела свои аргументы в пользу того, чтобы называть так *неповествовательный словесный текст, поясняющий другой словесный или несловесный текст, гетероглоссичный (т. е. на языке другом в самом широком смысле); лемматизированный прямо или косвенно (т. е. с включением или без включения поясняемых элементов)*.

Комментарий как связный повествовательный текст

Под лемматизированным комментарием понимают обычно серию фрагментов-схолий, связанных только с комментируемым текстом, но не между собой. Я хотела бы привести некоторые аргументы против этого представления и против той идеи, что синтаксика комментария лишена всякой самостоятельности и

только следует за порядком поступления комментируемых единиц. Дело не в том, что выписки на поля могли быть взяты из одной связной книги. Они могли быть не из одной, а многих и не обязательно из таких уж связных. Я думаю, что существуют законы построения комментария как целого. Вот простая закономерность: если комментируется достаточно большой связный текст, число комментируемых элементов убывает от начала к концу. Это не вопрос усталости комментатора. Если же текст устроен фрагментарно, не как целое, это правило не выполняется или выполняется не в той мере. Для собрания стихов одного автора эта тенденция будет выражена сильнее, чем для антологии разных поэтов.

Мы можем обнаружить связность комментария при некоторых других эмпирических манипуляциях. Если нужно опубликовать часть текста, к которому написан комментарий, окажется, что просто вырезать эту часть с соответствующим комментарием невозможно, комментарий надо писать заново. Само существование “читателей комментариев”, известное опять-таки на практике, т. е. людей, читающих примечания подряд, с редким заглядыванием в текст, говорит о том, что комментарий имеет некую собственную связность.

И пусть в современной публикаторской практике такое встречается нечасто, но, несмотря на привязку к конкретным местам, комментатор может последовательно, хотя и дискретно, защищать и/или опровергать своего автора или вступать в дискуссию с ним или другими его комментаторами или интерпретаторами. Это видение комментатором целого несколько не отменяет следования за разворачиванием и требует системы перекрестных отсылок, которая достигает иногда (когда речь идет о сакральных текстах, например о Библии, или о текстах высокой насыщенности мыслью и высокой связности, как философские) головокругительных масштабов. Устройство комментария к 1-му тому Собрания сочинений Бахтина¹⁵ говорит нам о приближении сочинений этого автора к статусу сакральных текстов. Комментарии, составленные ведущими российскими и американскими учеными, филологами и философами, сохраняют всю разногласицу их авторов, толкующих по-разному один и тот же пассаж.

Можно, конечно, предположить, что идея поместить вместе комментарии разных ученых перешла в практику комментаторов непосредственно из комментируемого текста, из идеи полифоничности. Но не нужно большого воображения, чтобы представить себе требование прокомментировать, хотя бы и полифонию, однозначно и окончательно для школьного употребления, которое разногласие, как правило, враждебно. Коль скоро этого не произошло, перед нами скорее представление о столь высокой смысловой насыщенности и значимости текста, что никакой отдельный комментатор не может их исчерпать. Так смотрели, например, еврейские комментаторы на Тору.

Славу жанра, лишённого собственной связности, составила комментарий не столько традиция многослойной библейской эксегезы, сколько длительная и широко распространённая практика формальных “заказных” комментариев, в которые переписываются сведения из словарей и энциклопедий и поясняется только известное — годы жизни исторических личностей, географические названия, меры веса и денежные единицы¹⁶, имена мифологических персонажей и пр.

Соответственно считается, что в комментарии авторское начало притушено. И действительно, ни протеста, ни осуждения не встречает то, что один комментатор переписывает другого. Идея объективности и ничейности комментария исключает, тем самым, возможность считать заимствование плагиатом¹⁷. Однажды, переводя натурфилософский трактат Аристотеля и заглядывая попутно в его комментаторов, я проследила до XIII в. возникновение одного весьма категоричного и обидного для моего героя утверждения, будто он описывает опыт (опреснения морской воды), которого он якобы не делал и который-де невозможен. Комментаторы сами не опускали восковой запечатанный сосуд на морское дно и не извлекали потом его, чтобы обнаружить внутри пресную воду (по-видимому, молекулярная фильтрация), а сотни лет переписывали друг у друга: “Аристотель, конечно, опыта не делал, да он и невозможен”. Изгнание из комментария субъективности — пояснять надлежит “все”, а не то, что особо интересует комментатора, — параллельно изгнанию авторства: комментарий аккумулирует в глазах даже не

авторов, а составителей, читателей и издателей, знания, накопленные не одним поколением. Соответственно “примечания” воспринимаются как нормативные тексты, безошибочные, справочные и не вполне авторские.

Многих просвещённых читателей и ученых (как потенциальных авторов комментариев) раздражают современные фактологически-служебные комментарии-примечания, в которых объясняется только уже известное и зафиксированное в справочниках и ничто из загадочного и “интересного”. Приходится признать, что это результат слияния тенденций как почтенного возраста, так и сравнительно молодого: поверх академической и просветительской установки, оказавшейся в объятиях советской издательской идеологии, состоящей прежде всего в страхе, легло, создавая уже новую амальгаму, требование быстрого обращения средств. Первая тенденция основана на уважении к созданному предшественниками и уверенности, что стоять на их плечах незасорно, что читатель должен получать надежные и проверенные сведения; вторая опирает требования к характеру комментария на нужды “советского читателя” (иного названия для *tabula rasa*), а третья требует, чтобы комментарий составлялся быстро-быстро, гораздо быстрее, чем он будет оформлен и растиражирован.

Между серией безразличных справочных сносок и комментарием, удерживающим перспективу целого, также много градаций по степени связности. Условно можно назвать один полюс служением читателю, а другой — автору текста. В первом случае будут даваться пояснения к неупотребительным словам, к “новым” словам, как в случае книжек для обучения иностранному языку. Во втором — комментатор старается понять замысел автора (в конечном счете тоже для читателя, но такого, которого “возлюбил как самого себя” или хотя бы, при популяризации, как своих детей). “Фоновым незнанием” служит здесь незнание самого исследователя, и можно даже говорить о “первопроходческом” комментарии, когда нет никаких рамок, заданного объема, заданных сроков, а есть загадки текста и провокации к поиску, которые он излучает¹⁸.

Вместе с тем я думаю, что комментарии обладают связностью, даже когда от начала и до конца проникнуты единым

духом величайшего безразличия к поясняемому тексту. Это единство сказывается в каждой части и сообщается целому, хотя оно, конечно, отличается от логики и связности в статье или монографии (в которой, впрочем, как и в комментарии, наличие связного изложения ничего не говорит о его качестве). Может быть, стоило бы назвать связность комментария тенденцией. Ее легко увидеть в нравоучительных, пасторских комментариях к Священному Писанию, в которых безразличия к тексту, разумеется, нет, просто смысл его предполагается ясным, и его нужно наилучшим образом донести до просвещаемого. И в этом аспекте пасторский комментарий не отличается от комментариев в книге для чтения на иностранном языке, но отличается от научного или богословского комментария, который в той или иной мере будет говорить о загадках или трудных местах¹⁹.

Однако я повторяю: серия простейших сносок на источники цитат или параллелей, приведенная в них научная литература, все такого рода элементы, взятые как целое, целым и являются. Они сообщают об ориентации источника (что он цитирует), или комментатора (на кого ссылается), или того и другого (параллели)²⁰. Беглый просмотр примечаний и/или библиографии позволяет в считанные секунды определить характер всего издания, уровень публикатора, ценность комментария. Итак, комментарий — и научный, и популяризаторский или просветительский и автокомментарий (научный аппарат) — представляет собою цельный и связный текст неповествовательного характера. Мы обнаруживаем его связность гораздо лучше по прошествии нескольких сот лет. Тогда становятся яснее видны “установки” комментатора, и он сам вырисовывается на фоне составленных им лемм довольно явственно и как человек своего времени, и как индивидуальность.

II. Что думают о комментарии

Не следует предполагать, что ситуация в отечестве радикально отличается от ситуации в Европе, где непрерывность и толща культурной традиции не позволяет так бросаться в глаза тому, что все-таки замечает вдумчивый “инсайдер”. А замечает он совпа-

дение внезапного оживления интереса к комментарию (“Пять конференций за пять лет!” — восклицает автор рецензии на труды одной такой конференции) и того обстоятельства, что впервые за тысячи лет, когда сменилась почти сотня поколений комментаторов, оказалось, что комментарий более не является самоочевидной и наиболее достойной формой, в которой себя выражает изучение текста. Издатели, профессора и различные академическое начальство, hiring and evaluating committees — как называет их всех Глен Мост (входящий несомненно в это “начальство”, но и организатор коллоквиумов-семинаров и издатель одного из сборников о комментарии), обнаруживают известный скептицизм в адрес комментария как формы научной работы²¹. И вот тут-то традиция, державшаяся на молчаливом согласии, невыговариваемом, но твердом знании, и даже устной традиции, захотела превратить эти “бессознательные” культурные навыки в нечто отрефлектированное и публично обсуждаемое. Только что вышедшая книга Элеоноры Дики²², руководство для филологов-классиков, поясняет, что такое схолии, комментарии, лексические глоссы, грамматические трактаты античности, где их брать, как искать в них информацию, что какие термины значат, как вообще ориентироваться в этой премудрости. В течение столетий все это было внутренней кухней цеха и передавалось от учителя к ученикам. Теперь на этот счет есть детальный учебник. Это прекрасно, но знания пришлось собирать всем миром: в Acknowledgements автора перечислены как советчики и консультанты без преувеличения все ведущие филологи-классики современного мира. Книга действительно не могла бы состояться без этих коллективных усилий.

В традиционной, некогда “центральной” филологии, филологии классической, эпоха рефлексии и подведения итогов дает достойные плоды. Теперь отдельные, по видимости, частные работы, вышедшие после трудов упомянутых конференций, как, например, книга Силке Троян о папирусных комментариях к древней комедии²³, содержат выводы о типах античного комментария к древней комедии, которые явно имеют более широкую применимость.

Заметным событием в изучении комментария к классическим текстам в последние десятилетия было издание огромного ком-

ментария к Аристотелю. В 1990-х годах под руководством ведущего философа и историка классической философии Ричарда Сорабжи был осуществлен перевод на английский шести десятков томов античных комментариев к Аристотелю (*Ancient Commentators on Aristotle*). Это гигантское предприятие говорит одновременно и о сохранности классической традиции, и о ее истощении. Сорабжи напоминает о том времени, когда издавался в 1882–1909 гг. корпус *Commentaria in Aristotelem Graeca*²⁴. Для издания на греческом языке в ту пору был еще читатель, а Г. Узенер сначала, а по смерти Узенера К. Прехтер, прочитывали эти тома перед публикацией полностью. В настоящее время людей, столь свободно читающих по-гречески тексты такой сложности в таких количествах, меньше, чем переводчиков. К изданию этого гигантского собрания Сорабжи присовокупил три тома антологии “Философия комментаторов”²⁵, снабдив своими замечаниями и введениями. Мысль, что у комментаторов была какая-то своя философия, были самостоятельные философские идеи, — новая мысль. Сорабжи в целом высоко оценивает античные комментарии и считает, что обсуждение древними “Категорий” Аристотеля заставляет читателя думать о философии Аристотеля на таком уровне, который в современных дискуссиях не встречается. Но чтобы современный читатель мог подступить к этим текстам, чтобы сделать *философию комментаторов* выпуклой, Сорабжи разъял и составил заново их тексты так, чтобы они образовали вместе подобие “систематической философии”²⁶. И “Категории” и комментарии к “Категориям” были некогда учебными текстами. Но сегодня, чтобы иметь шанс на жизнь, они должны быть переведены, что неминуемо предполагает интерпретацию, и соответствующим образом препарированы.

Постмодерн в своей знаменитой вторичности не мог не привлечь на свет почтенных предшественников во вторичности — комментаторов, чтобы понять, что это такое, чем похоже на “нас”, чем непохоже²⁷. И наиболее заинтересованные практики комментария немедленно выдвинули идею вовлечения комментатора в современный контекст, привлечения для комментария античных авторов параллелей из современной литературы и не ради “рецепции”, а “так”, заговорили о том, наконец, что надо

придать комментарий больше литературности и внести в него больше личного и авторского. Утверждение вторичности всякого творчества таким образом уравнивается требованием художественности и личного характера комментария.

Груз накопленных знаний и слабые плечи современных филологов, а также невеликий энтузиазм читателей при виде гигантских комментариев, наполненных “ненужными” сведениями, подсказывают филологам-классикам идею профилированного комментария. Скажем, нарратологический анализ “Одиссей”, который Ирена де Йонг проделала так, что леммой служит сцена, а не строка или слово, не является монографией, но и не похож на привычный комментарий, стремящийся объяснить все непонятное. Поэтому, по мысли Ирены де Йонг, “Одиссею” следует теперь читать в сопровождении нескольких разнопрофильных комментариев одновременно²⁸. Если электронный текст окружен гиперссылками на комментарии разного профиля, такое чтение всех комментариев разом делается не таким уж громоздким. Число потенциальных читателей подобного сетевого ресурса возрастает безгранично, но все больше возникает подозрение, что стремительно убывает число его актуальных читателей.

Комментарии историчны не только потому, что их по-разному пишут в разное время, но и потому, что старые комментарии или написанные по старым правилам играют не в свою эпоху новую роль. Тысячестраничный комментарий Исаака Казобона к Афинееву “Пиру софистов” составлялся первоиздателем многих античных авторов. Этот гигантский комментарий был первопроектным. Современный комментарий, перегруженный сведениями, комментарий-компиляция, со все большим числом примеров и параллелей, упускает и просветительскую и даже исследовательскую цель. Он ничего уже не поясняет, он существует как произведение искусства, чистого искусства эпохи постмодерна. На него любуются как на парк или скульптуру. Не читать же!

Несмотря на явный и многообразный интерес к комментарий, еще очень далеко до осуществления тех стремлений, о которых по крайней мере заявляли организаторы третьей из отечественных конференций: через сравнительное изучение разных комментаторских традиций составить представление о комментарии как

историко-культурном феномене. Академическое сообщество, не только в России, но и в мире в целом, к созданию *истории комментария* как такового не готово²⁹. Сравнительно-типологическое исследование важнейших комментаторских традиций — китайской, индийской, схоластической, неоплатонической, арабской, еврейской — находится в зачаточном состоянии³⁰. Сравнительная история комментария должна сопоставлять культуры и эпохи, чтобы вычлнить, скажем, комментаторские типы культур или культуры комментаторского типа, при котором в комментарий должны быть включены все формы интеллектуальной деятельности — научной, юридической, философской, литературной и пр. Она должна вычлнить периоды с господством, преобладанием комментария над другими формами освоения культуры прошлого и периоды его ухода в тень, чтобы понять, в частности, и период, переживаемый нами.

Поскольку ни на одной отечественной конференции по комментарию не упоминались и не обсуждались аналогичные конференции, проходившие в других странах, я позволю себе здесь сделать краткий их обзор, хотя не присутствовала ни на одной, но с трудами большинства познакомилась.

Как я уже говорила, интерес к комментарию возник одновременно в нескольких местах, вышедшие книги отражают коллективные усилия академического сообщества осознать, что здесь унаследовано современной культурой от древности и объединяет европейцев с иными культурами. Чем шире был замысел организаторов конференции, тем менее благополучную картину он выявлял. Все сборники обнаруживают примерно одинаковую интенцию к осмыслению феномена в условиях, когда достаточных средств для этого нет. Конференции международные и публикации трудов многоязычные. Некоторые авторы переходят с одной конференции на другую, многие статьи одного сборника откликаются на статьи другого. Сборники, организованные вокруг проблем классического и ренессансного комментариев, выглядят более успешными, как за счет сужения поля зрения, так и учета опыта своих непосредственных предшественников.

Обзор будет неполным и неравномерным, с возвращениями к одним и тем же темам, которые представляются мне более инте-

ресными. Начну с книги, которая была опубликована не первой, но основана на семинарах, начавшихся в 1996 г.

Комментарий в античности и Средние века. 2002–2003

В Рурском университете в Бохуме между 1996 и 2001 г. под руководством Вильгельма Геерлингса проходили коллоквиумы (или семинары) “Комментарий в античности и Средние века”. Часть докладов, прочитанных в рамках коллоквиума учеными Германии, Франции, Италии и Чехии, опубликована в 2002 г.³¹ в виде 17 статей³². В 2003 г. вышла вторая книга с тем же названием, в которую вошли работы, по тем или иным причинам в первый том не включенные³³. Самый первый блин, вероятно, вышел особенно комом. Однако широкая сеть, с охватом патристики, классической древности, иудаики, арабо-мусульманской учености, включающей помимо философии медицину и биологию, была закинута сразу, пусть и несколько на авось. Единой задачи у работ этой коллекции нет, это отмечали и рецензенты сборника³⁴. Нет даже введения, которое обычно с тем или иным успехом, а часто и безуспешно, пытается поставить собранию разнородных работ общую цель и придумать им общий импульс. В книге есть предварение на одну страничку, в котором только упоминается междисциплинарный подход. Даже указатель, который по доброй немецкой привычке в томе есть (и для папирусов, и для рукописей, и для источников, и для имен и предметов), обнаруживает, что общего подхода нет “совсем”. Арабские комментаторы попали вместо “источников” в “имена”, еврейские — выпали, остались только библейские книги, бессистемный предметный указатель выдает отсутствие “предмета” и представляет собою свалку ключевых слов, которые авторы предоставили каждый на своем языке, без попытки их обобщить или сопоставить. Одни статьи в высшей степени узкоспециальные, с аппаратом, источниками и научной литературой, другие — обзорно-популярные — без всего этого отлично обходятся. И не вполне ясно, нуждаются ли эти статьи друг в друге хоть в какой-то мере.

Тем не менее можно выделить несколько мыслей или проблем, которые затрагиваются в тех или иных статьях и которые

важны для исследования комментария в целом. Одна из них — проблема классификации: какие бывают комментарии. В этом вопросе авторы находятся на уровне практической классификации, т. е. удобной, но не заботящейся о едином основании, или традиционной, т. е. повторяющей классификации самой исследуемой традиции. Так, Вильгельм Геерлингс предлагает подразделять патристический комментарий на схолии, гомилевтический комментарий (т. е. присутствующий в проповеди), письменный комментарий. Вольфганг Луппе своей классификации не предлагает вовсе, он делает обзор трех основных видов комментария к классической драме: схолии, ипомнематы и ипотесы.

При рассмотрении гомилевтических комментариев и философских комментариев к философским же текстам возникла особенно характерная для последнего десятилетия XX в. тенденция осмысливать литературное произведение, исходя из его функционирования в обществе. Начало ему положил филолог-классик Е.А. Хэвлок³⁵, обративший сугубое внимание на парадокс греческой литературы как “литературы” преимущественно устной, не читаемой в одиночестве, но исполняемой. Когда принцип изучения *in vivo*, в данном случае — *in performance*, был применен к толкованию Августина на Псалмы, то Хильдгунда Мюллер объяснила их структуру прагматикой устного гомилевтического комментария, который при письменной фиксации и разбивке на стихи приобрел “гибридный” (устно-письменный) характер. Рассматривая *in performance* философский комментарий, исследователи помещают некоторые такие тексты в контекст их возникновения, т. е. рассматривают их как пояснения в кругу учеников с определенным уровнем знания. Знание постепенно усложняется и углубляется и соответственные изменения претерпевает комментарий. Углубляющийся комментарий указывает на процесс обучения, тогда как комментарий, предназначенный для неопределенной читательской аудитории, скорее, как я уже говорила выше, “тощает” от начала к концу (если философская книга велика, это особенно заметно: основное, что требует пояснений, к ее середине уже встретилось многократно)³⁶.

Наиболее общий характер имеет статья О. Цвирлейна “Интерпретация в античности и Средние века”, который обсу-

ждает принципы и начальные этапы “экзегетической герменевтики” применительно к юриспруденции, риторике, поэзии, драме, философии и Писанию. Эта работа (перепечатка статьи 1998 г.) примечательна стремлением обнаружить единые принципы при разных объектах, но она не затрагивает комментарий как свой прямой материал, хотя и может служить общим фоном для обсуждения комментария, в котором эти принципы воплощаются.

Карла Поллман сопоставляет герменевтические принципы и конкретный комментарий, но не в общем виде, а взявши для сравнения практику и теорию комментария одного и того же средневекового автора — Тикония. Тиконий создал первое систематическое изложение принципов христианской герменевтики (*Liber regularum*) и написал комментарий на Откровение Иоанна. Поэтому Поллман исследовала применение им собственных правил к собственному комментарию. В упомянутой выше книге С. Троян о папирусных комментариях к древней комедии автор сравнивает практику комментариев с теорией Дионисия Фракийского, который включает в анализ литературного произведения шесть элементов или ступеней: 1) анагносис — верное понимание и членение текста; 2) эксегесис — пояснение поэтических фигур; 3) объяснение слов (глоссы) и исторических фактов; 4) “этимологическое изъяснение” (*heuresis*); 5) объяснение грамматических правил (*analogies eklogismos*); 6) оценка произведения — *krisis poiematon* (в традиции латинских грамматиков пояснение текста сводилось к *lectio, emendatio, explicatio, iudicium*). Однако из всего этого богатства большинство комментаторов сосредотачиваются на третьей стадии, а шестой вид комментария в реальных папирусных ипомнематах практически не встречается.

Исследователи обращают внимание на комментарий как важный источник, который недостаточно используется в силу его репутации вторичного, служебного и неоригинального. В. Геерингс показывает, что первый латинский комментарий к Библии, *Enarrationes* Августина к Псалмам, демонстрирует перемену в теологической антропологии и учении о благодати. Однако при таком подходе комментарий не является целью исследования, комментарий здесь — источник по истории богословской мысли

наряду с трактатами, письмами и речами. И не ясно, чем комментарий в качестве такого источника от прочих жанров отличен.

Компаративистика легче проклеивается в тех случаях, когда эти разнокультурные традиции очевидным образом вступали во взаимодействие. Таково преемство от греков к арабам, путь комментариев к Аристотелю от Александра Афродийского до Аверроэса. Другой исследователь замечает, что правила истолкования христианский комментатор заимствует из традиций классического грамматического комментария или что в грамматическом комментарии, несколько не отступающем от античной традиции, появляются тем не менее библейские примеры (Ульрих Шиндель). Область сравнения христианского, языческого и еврейского комментария является, пожалуй, самой изученной, но одновременно и такой, в которой личные культурные и культурно-исповедальные обстоятельства играют слишком большую роль, чтобы исследование было свободно от предвзятостей. Одним нужно доказать, что христианский комментарий является прямым продолжением языческого, другим — что еврейского с его представлением о неисчерпаемости Божьего слова, третьим — что еврейского комментария без античного не было и он создан целиком под влиянием античных философов, четвертые сами избегают предзаданных установок, но вся научная литература, в контексте которой размещается их исследование, вынуждает их разбираться с теми же проблемами, которые волновали их предшественников.

Наконец, естественное для многих поколений комментаторов Священного Писания — и христианских, и еврейских — представление о Библии как единой книге (а не собрании разновременных документов разного происхождения и направленности), в которой одни части поясняют (или провозвещают) другие, неприемлемо для безрелигиозных комментаторов и непонятно для таких же читателей. Современный комментатор поясняет трудное место через материал внешний по отношению к поясняемому тексту, а Библия поясняется через Библию. В то же время последние десятилетия — это время, когда Библия стала изучаться как литературное произведение, а восходящий к Филону и укоренившийся в патристической литературе метод, который

рассматривает противоречия и трудности как сознательные и намеренные и видит в них “просветы в подлинное бытие” и глубинный смысл, оказался “диалектическим методом” современного литературоведения (Вальтер Беньямин). Я думаю, что в будущих курсах комментариев, “комментариография” займет в филологическом цикле место столь же необходимое, хотя и “сучное”, как в историческом цикле — историография.

Не только те же центральные проблемы обсуждаются на разных конференциях, но и темы второго плана, видимо, диктуются своего рода научным этикетом. В данном сборнике, как и в других, отдается дань медицинскому и/или алхимическому комментарию и включается хотя бы одна статья о комментаторском раритете, т. е. о типе комментария, практически неизученном³⁷. Мы сталкиваемся также с попыткой рассматривать изображение как комментарий (в ботанических рукописях). Как было сказано выше, я считаю излишним расширять понятие комментария до всего, что поясняет, перелагает или интерпретирует, и включать в разряд комментариев рисунки, схемы, карты, таблицы и диаграммы. Заметим только, что выход за пределы текстовых комментариев регулярно допускается, но в ограниченных размерах, так же как в каждом сборнике есть по одной “эксцентрической” статье или статье о личном опыте комментирования, и в большинстве, но не в этом первом, по одной статье о комментарии в электронном виде. Последние помещаются в конце, где обычно находит себе место указание на перспективу.

Commentaries. Kommentare. 1999

Том, изданный Гленом Мостом, составлен по следам конференции, прошедшей в 1997 г. в Гейдельберге. Он двуязычный, семь статей по-немецки и 10 по-английски. Входит в серию *АПОРЕМАТА*, т. е. “Затруднения”, посвященную истории классической филологии³⁸.

Основанием для классификации комментария (в сборнике — это принцип группировки) служит объект комментария: либо к религиозным текстам, вавилонским, древнееврейским, греческим, христианским, буддистско-таоистским и исламистским, либо к

научным и философским. Прибавим к этому комментарии на живопись и скульптуру, которые демонстрируют, собственно, как в Европе воспринимали античное искусство. Речь идет, в частности, о Винкельмановских заметках о Ватиканском Лаокооне, которые заменяли оригинал даже для приезжавших в Рим, потому что доступ к скульптуре был многие годы закрыт (Лука Джулиани). Я сомневаюсь, что Винкельмановский “комментарий” можно отличить от истории искусства и искусствоведческой критики. Но повторяю: комментарий к изображениям входит в “дежурный” набор современных коллективных трудов на нашу тему.

Помещено по две статьи о комментариях на литературные произведения и о том, как воспринимался жанр комментария в Средние века. Классификация по объекту комментария оставляет неисследованным сам феномен комментария и представляется практической и непритязательной. С ней соседствуют статьи Симона Голдхилла и Дона Фаулера, которые высказались о комментаторской деятельности филологов-классиков в эпоху постмодерна и Интернета, постаравшись проблематизировать это старинное занятие, сколько только можно. Не пересказывая эти остроумные статьи, как и высказывания Ганса Ульриха Гумбрехта в его “Final Reflections”, призванные задеть и расшевелить читателя, я сведу их суть к максиме Фаулера: “Задача комментария — умножить проблемы, а не разрешить их”. Это не просто постмодернистское *pot*. Я думаю, что в такой форме филологи хотят отстоять бескорыстное исследование, за которым сохранено право на нерешенность и гипотетичность в противоположность четкой однозначности учебного комментария. А вместе с ним отстоять и целую систему угрожаемых ценностей.

Огорчение Симона Голдхилла тем, что в комментариях к античным авторам используются лингвистические понятия устаревшей и дискредитированной лингвистики, более чем понятно. Классическая филология часто держит оборону против современной лингвистики на рубежах, укрепленных еще грамматикой Доната. Но проблема не только в том, что представления о лексической семантике претерпели значительные изменения, а в том, что в учебном комментарии надо помочь понять слово в данном контексте за счет уже имеющегося общего знания, а в науч-

ном — надо посмотреть, не следует ли поправить сам словарь с учетом данного контекста. Едва ли поэтому дело в “различных рациональностях” и “границах контекста”: Голдхилл патетически указывает, например, на Иеремию, который использует цитату из “Исхода” в смысле, противоположном исходному контексту. Я, признаться, не нахожу в этом ничего удивительного. Полной противоположностью выглядит К. Рау (Rowe), автор “родственного” сборника, посвященного классическому комментарию (о сборнике ниже). Он считает многообразие толкований философских смыслов результатом неясности или ошибки и не признает наличие разных “рациональностей”, по крайней мере для его героев, Аристотеля и Платона, которые создали определенный тип рациональности, коему он сам и следует. Но тут неминуемо встает вопрос о том, должна ли рациональность комментатора быть той же, что рациональность комментируемого? Ответ — мой, во всяком случае, — таков: границы разных рациональностей тоже проблематичны, и чтобы не уходить в дурную бесконечность, достаточно сказать, что комментарий вызван к жизни проблемой понимания, а потому разница рациональностей к нему только взывает. Комментарий служит пониманию “этой” аудитории “этого” текста, но не истинному его пониманию на все времена, которое скорее всего предносится взору вышеупомянутого историка античной философии, чья духовная родина располагается между Ликеем и Академом. Возможно, К. Рау провел черту между комментарием, который по-прежнему привлекает историков и философов, и комментарием филологов, обретших в комментарии обетованную землю многозначности.

Том Г. Моста в целом отличает внимание скорее к социальной функции комментария, к его аудитории, нежели к отношению комментария и комментируемого текста. Авторов интересует, каким образом устные толкования, которые произносятся вслух перед публикой, записываются и затем подвергаются большей или меньшей редакции. Многие речи и проповеди христианских писателей возникли подобным образом. Комментарий возникает также при собирании маргиналий авторитетного автора: они привлекаются и становятся центром книги, а комментируемый текст превращается в леммы, как в Талмуде. Задача сборника — срав-

нить различные “культурные практики” комментирования (включая и написание комментария как средства продвижения собственных идей) на фоне разных communities of discourse. Такое историко-социологическое исследование — задача для практиков комментирования трудная или даже непосильная. Но филологи, пытаясь принять на себя роли социологов, оперируют заемными категориями власти, контроля и присвоения. Так, Рудольф Вагнер, который занимается полемикой буддистов и таоистов, изучая, как буддисты в V в. используют более ранние таоистские классические тексты, демонстрирует, что комментарий является местом спора за обладание текстом. Написать комментарий — значит объявить текст “своим”. Кто его пишет, тот владеет им или объявляет свою к нему причастность. У Даниила Боярина в статье о мидраше рассказывается о подобном состязании за текст внутри одной раввинистической традиции. Извне, т. е. силами социологов и культурологов, многоаспектная практика комментирования тоже с трудом поддается изучению, поскольку требует основательного погружения в весьма специальные области. Выделить как особый предмет исследования практику создания комментариев удастся Инеке Слуйтер (Sluiter) в работе о дидактической традиции. Озабоченность утратой комментарием почтенного места в современной культуре особенно ясно проступает, когда разговор заходит о разнице “школьного” и “ученого” комментария в древности и сегодня.

*Комментарий между традицией и инновацией. 1999*³⁹

Во Франции в 1999 г. была организована международная конференция с названием, которое показалось мне интригующим, поскольку на первый взгляд затрагивало напрямую мои собственные “идеи”. Конференция называлась “Комментарий между традицией и инновацией”, ее организовал Институт изучения письменных традиций (философия, естественные науки, история и религиоведение), который с 1996 г. объединяет четыре группы⁴⁰, входящие в факультет наук о человеке и обществе. Эта весьма примечательная конференция и сборник ее трудов заслуживают самого пристального внимания⁴¹, хотя

под *инновацией* здесь ничего уж такого особенного не разумеют. Авторы некоторых из входящих в труды конференцииopusов обращают внимание на то, что при систематизации и соположении чужих мнений, при сведении вместе “всех” или, по крайней мере, разных философских доктрин, иногда даже противоречащих друг другу, в комментарии очень просто может появиться такая небывалая и неожиданная вещь, как новая мысль. С этим нельзя не согласиться, но “моя” идея о комментарии как механизме инновации — это нечто иное.

По материалу конференция охватывала феномен комментария широко и в пространстве, и во времени: греческие комментаторы, латинские, еврейские, арабские и индийские, к текстам библейским, научным (медицинским, юридическим, алхимическим), литературным и философским. Были привлечены лучшие специалисты и ученые с мировыми именами. Но, как известно, девять женщин, действуя сообща, все-таки не смогут родить ребенка за один месяц, и, собравши вместе специалистов по разнокультурным комментаторским традициям, мы еще не получим сравнительной истории комментария. Некоторое обобщение встречается там, где меньше изученности (общее и отличное в алхимических комментариях греческих, арабских и в латинском Средневековье, С. Маттон или К. Вьяно), или там, где работа скорее обзорная [индийские и арабские философские комментарии, Жан Жюливе (Jolivet) и Мишель Юлэн (Hulin)].

Но лучшие статьи сборника посвящены частным проблемам (как статьи Р. Сорабжи или Л. Бриссона). А когда авторы пытаются ответить на вопрос важный и сложный — отличие научных комментариев от философских, то они занимаются этим на материале узком (арабские комментарии к Эвклиду, Птолемею и Аристотелю), и ответ остается невразумительным. В тех областях, где специалистов много и изученность выше, преобладают отдельные экзегетические отношения: Гален и Гиппократ, Плотин и Прокл и Платон, Сириан и Симпликий и Аристотель, Аверроэс и Альберт Великий и снова Аристотель.

Особый раздел состоит из четырех статей о библейском комментарии и четырех выступлений на круглом столе по толкованию на Бытие 2. 24. Таким образом, масштаб “обзора” сужи-

ваются до одного стиха. Участники круглого стола собрали вместе самые разнообразные еврейские и христианские комментарии на этот стих, чье число и качества впечатляют, но сравнение и синтез и здесь оставлены скорее на будущее. Для ригористической систематизации время еще не пришло.

Особенностью этой конференции было исключительное внимание к материальной форме комментария. Тринадцать статей посвящены тому, как древние комментаторы располагали глоссы на странице, с какими трудностями сталкивался переписчик текста со схолиями при расчете расположения на листе, как он менял свой почерк для основного текста и комментария; специфический вопрос о том, как по папирусным фрагментам понять, перед нами связанные ипомнематы или собрание схолий, как устроена в комментарии система отсылок к библейским текстам, каковы принципы *mise en page* от Кассиодора до *Glossa ordinaria*. Авторы постоянно интересуются тем, что происходило с комментарием при переходе от свитка к кодексу, как комментарий на полях получался из цельной книги или как собирался в цельную книгу из маргиналий, как он сокращался и дополнялся. Только этот (из обсуждаемых) сборник сопровождается фотографиями рукописей, демонстрирующих различные *layouts* схолий и разных комментариев к одному тексту. В этом направлении есть и некоторые обобщения и предложения методов. Л. Хольц показывает роль античных ученых как изобретателей комментария, сопровождающего текст, и набрасывает очерк общей истории комментария в его материальном виде. Первоначально античный комментарий представлял собою книгу, отдельную от комментируемого текста, но и в эпоху свитков схолии и маргиналии свободно вторгались на поля поясняемого текста. И только в Средние века появился гибрид, включающий текст и его комментарий. Внешний облик этого гибрида постоянно совершенствовался, а в условиях средневекового университета достиг высокой степени организации прежде всего для Библии и юридических трактатов. В целом эта часть исследования показывает, что разрастание экзегетического материала, наращивание слоев комментирования и создание комментариев на комментарии неминуемо ведет к строгой кодификации материальной структуры комментария и выраженности иерархии схолий в

их положении на странице и внешнем оформлении (такова и история рукописей, а затем изданий Талмуда).

В том, что касается классификации, заметных свершений, пожалуй, не было, не относить же к нему различие таких двух средневековых форм библейского комментария, как глосса-пояснение и пересказ (*sur-récit*) и добавление к ним рикёровского “герменевтического прыжка”?

Интерес представляют также статьи или отдельные высказывания авторов сборника, затрагивающие проблему жанра комментария. Так, арабские комментарии к Аристотелю и переводам из Аристотеля делались не только в виде коллекции лемматизированных схолий, но в разных литературных жанрах, включающих, например, диалог. А Л. Бриссон рассматривает Проклов комментарий к “Тимею” как молитву; комментарий ведет к пониманию платоновской философии, а она сальвационна по своей сути и подобно молитве приближает душу к божественному.

Рецензируя сборник, организатор другой такой конференции и издатель соответствующего труда Г. Мост сравнил его с Оттоманской империей: целое рыхло, и части значительней целого. Его также беспокоило не столько разнородность состава, сколько отсутствие “коммуникации” между частями.

Классический комментарий.

История, практика, теория. 2002

Следующий том⁴² сосредоточен на роли комментария в современной науке о классических древностях. Составлен на основе 17 докладов, прозвучавших на двух встречах, организованных в 1996 г. в Ноттингеме Британской классической ассоциацией и в 1997 г. в Чикаго Американской филологической ассоциацией. Гейдельбергская конференция произошла между этими двумя встречами, и авторы во многих случаях вступают в полемику со статьями тома, изданного Г. Мостом, и так или иначе соотносят с ними собственные рассуждения. В этой книге больше всего “играющих тренеров”, авторов современных комментариев к классическим авторам. Практикующие комментаторы имеют свой взгляд на проблемы, он отличается от видения историков

комментария и обладает своими преимуществами живой заинтересованности. Так, даже частные соображения практиков о возможности применения современных технологий у традиционных филологов гораздо содержательней, чем умозрительные соображения о будущем электронных комментариев в статьях, специально этому посвященных. Любопытно, что одно из достоинств комментария, помещенного в сети, — возможность его исправлять, — таит в себе и новую опасность: так один комментарий никогда не будет закончен, а новый написан.

Том является внутрицеховым и ориентированным во многом на коллег-профессионалов. Хотя есть несколько статей, например, Будельмана или Лерда, об истории комментария, участники встреч, как сказано, в большинстве своем авторы комментариев к классическим авторам, и некоторые (Р. Эш и Р. Джибсон) разбирают даже собственные комментарии и обсуждают, например, по каким невысказанным основаниям были приведены именно те, а не иные параллели. Собственно говоря, и историческая статья Лерда (A. Laird) предлагает современным авторам образец в Хуане Луисе де Ла Серда, иезуите начала XVII в., который в комментарии к “Энеиде” откликался на современные ему события, позволял себе намеки и аллюзии, вводил героев Вергилия в контекст своего времени. Авторов интересует и прошлое комментария, отрицательные и положительные примеры, и современная практика комментирования греческих и латинских классиков, и будущее этой практики. Например, использовать ли в аппарате критического издания латынь или современный язык? Один из первых удачных опытов англоязычного критического аппарата был выполнен в издании папирусных фрагментов античных романов⁴³. Одни и те же вопросы затрагиваются в самых разных статьях: статус комментария, переписывание комментариев с одного языка на другой, способы выбора части текста, подлежащей комментированию, лемматизация, возможность проявления индивидуальности, требование полноты (*coria*, как называет это явление Гумбрехт в томе, изданном Г. Мостом, а за ним подхватили другие⁴⁴). Кристина Краус в вводной статье берет пассаж Тита Ливия (1.47.4-7) и рассматривает целый ряд разных комментариев к одному этому

месту. И показывает, что комментаторы следуют друг за другом, оставляя непоясненным то, что таковым оставалось у предшественников, повторяют друг за другом и разбиение текста на сегменты. Автор остроумно описывает целый разряд комментариев, которые “прикидываются” учебными, создание которых санкционировано обществом.

Действительно, разрыв между исследовательскими задачами комментария как *результата изучения* и комментария как *средства обучения* особенно ярко обнаруживается в нашу эпоху, разумеется, там, где ученый комментарий еще может возникнуть. Нагромождение точек зрения создает впечатление упражнения в интерпретации, ориентированное на то, чтобы превзойти в числе предположений, толкований и эмендаций великих комментаторов прошлого, а вовсе не предложить читателю руководство для понимания. Для “постороннего” эти комментарии представляются закрытыми в своей эзотеричности и открытыми в своей вечной незавершенности. Книгу венчает постскриптом Илейн Фентем (Elaine Fantham) о собственном опыте и роли комментария в современности, содержащий также отклики на темы, затронутые в других статьях. Несмотря на относительный оптимизм классиков по поводу будущего комментария, Фентем замечает, что публикация комментария не является хорошей рекомендацией для работодателя: “комментарий не поможет Вам получить место”. Эпилог книги “рифмуется” с первой статьей, а все остальные статьи организованы попарно, чтобы образовывать контрапункт тем или идей.

Особняком стоит методологическая работа Ричарда Хантера “Чувство автора”. Он проследил, как пишутся комментарии к стихам в зависимости от того, считает ли автор обсуждаемое произведение принадлежащим Феокриту или считает его анонимным произведением Феокритова корпуса. Высокое качество произведения часто служит главным аргументом в пользу приписывания произведения известному поэту, а низкое качество ведет к исключению из числа его творений и зачислению в разряд анонимных. Сравнивая комментарии к одному и тому же произведению, написанные с той и другой позиции, он показывает, какими невысказанными допущениями руководствуются авторы

комментария, их снисходительность и небрежность в обращении с анонимом и тщательность и признание совершенства за поэтом с “именем”. Эта традиция древняя, еще александрийские ученые исключали строки гомеровского эпоса на вкусовом основании: плоский образ, плохой гексаметр и т. д. Исследование стихов становится исследованием по стихам образа автора, он — искомое, и если автора нет, поэтический магнит теряет силу. Изучать жанр — совсем не то, что изучать Поэта.

Совсем недавно, в 2006 г., Джон Хендерсон⁴⁵ опубликовал еще более “цеховую” работу, целую монографию, посвященную латинистам (Дж. Остин, К. Фордайс, Р.Г. Нисбет и Р.Г.М. Нисбет, отец и сын), составителям комментариев в Oxford Reds — красной серии латинских классиков. Хендерсон пишет о книгах, по которым два или три поколения британских классиков узнавали, что такое читать и изучать писателей Рима. Он учился по ним сам, а потом десятки лет преподавал по ним же латинскую поэзию и прозу. Хендерсон выбирает тех, кто поменял характер пояснений, кто стал обращать внимание на литературные качества текстов, а не только на грамматические особенности и исторические реалии. Создание каждого из этих комментариев представляет собой увлекательную и драматическую историю взаимоотношения с издателем и с Редакционным советом Clarendon Press. Хендерсон восстанавливает биографические детали и достает из архивов свидетельства добродетелей, интриг, случайностей и страстей, кипевших при издании каждой книги, он приводит переписку, обсуждает наиболее яркие или даже скандальные места комментариев, — и все от своего собственного лица. Находясь в оксфордском эпицентре, он выясняет то, что некогда казалось ему и его авторам совершенно посторонним делом: условия, в которых писался комментарий к Цицерону или Катуту. Что в личности комментатора и условиях его работы заставляет выбрать достойный читательского внимания элемент текста? почему третье издание комментария Остина к Цицероновой Pro Caelio так разительно отличается от первого? Книга написана изнутри оксфордского эзотерического классицизма, настолько изнутри, что и словечки, и намеки, и остроты профану понять не просто. Но в то же время от предельной ин-

дивидуальности и конкретности, от цеховой замкнутости виден путь к рефлексии о природе комментария.

Комментарий гуманистов. 1988 и 2005

Завершая разговор о комментариях и классиках, хочу отметить некоторый прогресс. Изучение комментариев гуманистов к античным авторам (в том же обиходе конференций и следом сборников трудов) началось несколько раньше, так что в этой сфере наступил так сказать “следующий этап”: первая конференция о комментариях у гуманистов прошла уже в 1988 г.⁴⁶, и авторы книги 2005 г.⁴⁷ могли воспользоваться как ее плодами, так и упомянутыми выше трудами по комментарию в целом. Разговор о комментариях гуманистов, естественно, оказался в русле исследований рецепции, что сразу сделало сам феномен и его культурные характеристики предметом внимания. Авторы стараются ответить на вопрос, что такое ренессансный комментарий и чем он отличен от средневекового, в чем его продолжает, а в чем порывает с традицией. Они сравнивают средневековые и гуманистические комментарии к одному и тому же произведению, обсуждают ситуацию, когда средневековый комментарий был приписан гуманисту, и спор о принадлежности комментария к Саллюстию Лоренцо Валла. Вопрос об авторстве показывает, чего ждут от комментария “истинного гуманиста” как современники, так и потомки. Однако инструмент рецепции оказывается очень хрупким: как узнать, что такое подлинный гуманистический комментарий, по ожиданиям этой подлинности, если рецепция — это процесс и сам подлинный образ гуманиста меняется? Почему фламандец Бадий Асцензий (Badius Ascensius) не признавал авторство Лоренцо? У него могло быть много причин считать комментарий Валлы, ложно ему приписанным, средневековым, в частности, он хотел иметь основания писать свой, не составляясь с авторитетом.

Особенность, которая объединяет многие комментарии гуманистов, это отношение к античному автору как к ценному источнику и прежде всего как к источнику сведений о латинском языке. Структура лемм и следование за стихами автора сохраняется, но

сам автор исчезает из поля зрения, и на первый план выходит разнообразный и обширный лексикографический материал, достигающий энциклопедического размаха. В Марциале или Цицероне латинский язык интереснее, чем сами эти писатели, тем более язык Марциала или язык Цицерона, что привлекает современных ученых. Латынь нужно возрождать, латынь нужно знать как можно лучше, как родной язык, для письма, для речей, для ученой беседы. И в целом ренессансный комментарий забывает текст ради чего-то в нем заключенного: не только ради языка, но и ради многочисленных сведений, которые можно из него извлечь, а к ним прибавить еще и сообщить попутно. Чрезмерность или несоразмерность комментария как раз впору желанию через чтение римских авторов впитать в себя весь их мир как языковой, так и концептуальный. Границу комментария гуманист может легко миновать, когда, отталкиваясь от текста античного автора, пускается в собственные рассуждения и размышления. Как и в древности с Гиппократом и Галеном, это легко происходит именно у медиков⁴⁸, с той только разницей, что в медицинский комментарий вторгаются невозможные у Галена обсуждения расхождения рукописей или проблемы понимания грамматической формы. Коллективными усилиями портрет ренессансного комментатора, хотя бы в общих чертах, набросать удалось.

Задача осмысления комментаторской традиции чрезвычайно сложна. Очевидно, что даже и во времена величайшей индивидуальной учености охват всего относящегося сюда материала в одной интегрирующей знание “голове” не происходил. В этом смысле попытки академического сообщества в Европе и России обработать эту землю общими усилиями представляются чрезвычайно разумными, и можно только пожелать европейским и отечественным ученым знать об усилиях коллег и учитывать их результаты.

III. Комментарий как механизм инновации

В той ситуации, беглый обзор которой я выше представила, трудно ожидать появления в ближайшее время солидной сравнительной истории комментария или даже схоластически четкой тео-

рии комментария. В этих условиях я осмелюсь посмотреть на комментарий с птичьего, так сказать, полета и высказать свою гипотезу о той роли комментария, которой нисколько не предполагают комментаторы и которая лишь по частным обстоятельствам иногда затрагивалась в трудах о комментарии. Одна из неочевидных функций комментария, и это несмотря на место вторичного, ремесленного, менее авторского и авторитетного и менее креативного явления по сравнению с комментируемым, с моей точки зрения, может быть названа “инновативной” или “инновационной”.

Я сформулировала общую идею, касающуюся природы и функции комментария в традиционной культуре, в заметке, опубликованной в материалах второй московской конференции⁴⁹. Идею повторяю здесь: в традиционной культуре с ее установкой на воспроизведение комментарий является механизмом инновации, которая оказывается возможной благодаря как раз тому, что комментарий выглядит и воспринимается как текст служебный по отношению к традиционному или сакральному тексту, объекту или действию. Как уже было сказано выше и как показывают исследования комментария in performance, устное комментирование также важно в этом случае, как и письменное. Высказывания мудрецов хранятся в устной традиции, чтобы попасть затем в Талмуд, устная беседа с учеником становится основой нескольких жанров в буддизме и индуизме; Плутарх Афинский, Сириан, Аммоний приветствовали издание учениками своих лекций, которые состояли из обсуждения с учениками диалогов Платона, а иногда дополняли получившийся текст⁵⁰.

Исходя из этих общих соображений, посмотрим, как механизм инновации работает в различных областях культуры — театре, литературе, философии.

Комментарий и театр

Словесный комментарий к последовательным изображениям, будь то китайский бьен-вен, яванский ваанг-бебер, представления савояров или раешников, комментарий к сценам эпоса или кукольным представлениям, к танцам или к пантомимическим сценкам, к выходам и представлениям мистерийных масок, —

все эти формы прототеатра могут при некоторых условиях породить как собственно театральную форму, так и различные формы комикса или китайские жанры текстов с картинками, например *тибо*. Я бегло назвала разнокультурный и разновременный обширнейший репертуар культурных форм, фольклорных и прототеатральных, чтобы указать на общую их черту: в них во всех присутствует Комментатор. В сопровождении показа словесным комментарием я усматриваю начало театрального представления — то, что мне хотелось бы назвать универсальной архаической стадией театра.

Действительно, для большинства восточных театральных систем, в которых действует живой человек-актер, характерно сохранение фигуры пояснителя, чтеца, ведущего и полная или частичная немота актера. Ведущий — это часто глава труппы: хозяин, автор, режиссер, аккомпаниатор, учитель, сказитель. Он может быть назван и главным актером, но ему же принадлежит и функция общения с аудиторией, представления актеров и дидактическое толкование, иногда религиозно-дидактическое, всего происходящего в спектакле, — он толкователь, т. е. его прошлое — жрец, а его будущее — критик (если представить себе критика участником спектакля).

Зрелище и словесный комментарий-пояснение распределены между разными исполнителями. “Настоящие”, для сцены писанные драмы — явление позднее. Для многих театральных систем Индии характерны постановки эпических произведений, которые сами собой не превращаются в реплики персонажей. Необходим ведущий — наследник функции эпического певца=сказителя. При самом простом и архаичном способе словесного сопровождения спектакля у ведущего столько же слов, сколько их в пьесе или даже в соответствующем фрагменте эпоса, который актеры иллюстрируют своими танцами и жестами. В театре колама на Цейлоне вся словесная сторона спектакля принадлежит ведущему, но чаще в современных представлениях за ведущим остается функция пояснителя спектакля, он представляет действующих лиц, произносит начальные молитвы. Если, к примеру, разыгрывать поэмы Гомера по партиям, то и тут сравнительно немногие авторские слова окажутся словами комментатора.

При сравнительном изучении экзотического и древнего театра меня поразила никем не замеченная в своей универсальности гетероглоссия. Узнать обо всех конкретных случаях мне было неоткуда, как из работ историков театра, из этнографических описаний, рассказов путешественников или справочников по театру Востока. Но сопоставления этих фактов, порознь давно известных, не произошло. Каждый исследователь делает локальные обобщения, для театральных систем одного какого-нибудь региона, не покидая профессионально подсудного ему материала.

Скажем, в Индии и Китае, а также в театральных системах Филиппин и Малайзии, архаичные поэтические языки монологов, иногда полупонятные эпические тексты, уже утратившие связь с сюжетом спектакля, сочетаются с обиходными разговорными диалектами диалогов. Источники XIV—XV вв. сообщают о яванских представлениях ваянг-бебер, что исполнитель говорит “на своем чужом языке”⁵¹. На различие “языков” — высокого, древнего, поэтического, “чужого” и обыденного, разговорного, местного — накладывается во многих случаях различие пения и сказывания, мелоса и ямба. И часто противопоставление фиксированного текста и текста импровизационного. Декламация под музыку может перемежаться краткими разговорными пассажами, своего рода “конференсом” или комментарием в антрактах между сценами, поясняющим сами сцены и малопонятные тексты. Языковая и стилистическая градация только в самом простом случае дихотомична, а, скажем, в яванском театре “ваянг пурво” в диалогах выделяется семь степеней “вежливости” — от языка богов до языка слуг. А на Бали даланг сопровождает каждую речь благородного персонажа на архаическом литературном языке парафразой на балийском, которую произносят клоуны. Совершенно по-новому в этой перспективе выглядит известное разноязычие греческой драмы, ее хоровых частей на поэтическом древнем малопонятном койне и речитативных частей на разговорном аттическом диалекте. Архаический диалект и мелос относятся к аттическому диалекту и речитативному ямбу как стихи к прозе⁵².

Выше я говорила о гетероглоссии комментария, и в этом отношении между началом греческой трагедии и театром Петрушки,

где нарочито неразборчивую речь главного персонажа (духа, мертвеца с пищиком) так или иначе повторяют и поясняют обычным голосом, нет принципиальной разницы. Получив некоторый опыт знакомства с театральными системами, именуемыми скопом “восточными”, можно иначе посмотреть и на самую что ни на есть классику.

Слово “гипокрит”, которым в Аттике называли актера, означает, как говорит Платон, а я к нему присоединяюсь, “толкователь”. Спор о том, “толкователь” ли тот первый актер трагедии, который был еще и единственным, или “ответчик”, ведущий диалог с хором, длился в классической филологии с середины XIX в. по 60-е годы XX-го. Как все долгие споры, он оставил по себе приверженцев одной и другой точек зрения, которые больше уже не спорят. Я решаю для себя этот спор на основе типологии — наличием ведущего-толкователя в восточных театральные системах. Гипокритом-толкователем был назван первоначально первый и единственный актер трагедии, так сказать Теспис, чья роль, как и роль ведущих восточного театра, состояла в комментариях на местном аттическом диалекте хорового гимнического и эпического пения и сказывания. Со временем роль комментатора, поющего текст, может перейти к хору, а протагонисту отойдет бессловесное представление. Так в римской пантомиме.

Я останавлиюсь на казусе римской “пантомимы” несколько подробнее, потому что в нем следует различать и архаический театр того типа, который возникает при комментировании зрелища, и другое явление, весьма своеобразное и широко распространенное на просторах Римской империи.

Первые сценические представления римлян Тит Ливий называет безмолвными. Они были устроены в Риме в 364 г. до н. э. приглашенными из Этрурии гистрионами (7 2 4). Это были миметические пляски под аккомпанемент флейты. Ливий специально отмечает, что перебрасываться шуточными репликами, подражая танцам этрусков, римские юноши стали позже. Историки античного театра, не оглядываясь на историю восточного или мирового театра, толкуют красноречивую легенду о происхождении римских театральные представлений чрезвычайно наивно, не далеко уходя в понимании исторических процессов от

римского историка. А Тит Ливий написал о происхождении разделения функций “показа” и “речи” следующее: Ливий Андроник (это был грек и вольноотпущенник, сыгравший изрядную роль в привитии римлянам культуры, он даже перевел сатурнинским стихом Одиссею), исполняя сам свои кантики, как все в то время (добавляет уже Тит Ливий), когда его просили спеть еще на бис больше обычного, охрип и испросил позволения рядом с флейтистом поставить за себя певцом молодого раба, а сам разыграл свой кантик, двигаясь много живей и выразительней прежнего, так как уже не надо было думать о голосе. С тех пор пошел у гистрионов (актеров) обычай “пения под руку”, т. е. одни поют, другие в это время делают соответствующие тексту песни движения, а собственным голосом актеры вели только диалоги. Эту легенду повторяли потом поздние писатели, иногда в обобщенном виде, как, например, Лукиан, который писал, что в древности одни и те же актеры и декламировали и жестикулировали, но жестикуляция затрудняла дыхание и вредила произношению и пению. Поэтому, дескать, актерам, производившим движения, были приданы помощники, которые читали или пели текст. Разумеется, эти версии совершенно антиисторичны, иначе сложение такой системы во всех восточных театрах следовало бы приписывать историям с чьим-то охрипшим горлом. Разделение функции речи и игры продолжало существовать до самых поздних лет существования Римской империи. Так называемая римская пантомима оставалась “пением под руку”, но при этом хор исполнял песню, а солист движениями ее иллюстрировал.

Историки театра XIX и большей части XX в. (у нас, например, Дживилегов и Бояджиев) видели в этом явный упадок: разложение “словесного и пластического единства образа” нарушается, если для изображения одного сценического персонажа необходимы два исполнителя. Даже Адриан Пиотровский, знаток древнего театра, где нормой является выступление хора от имени “я”, остался в плену представлений об упадке, когда обсуждал хор, говорящий за плясуна-пантомима: “Подобное расчленение звуковой и зрительной выразительности, становящееся одной из основных стилистических черт театра империи, не может быть выведено из каких-либо принципов официального

театра предшествующих эпох”⁵³. Корни явления он видит в искусстве виртуозов “при утрате общего целостного восприятия театрального действия”⁵⁴.

Появление “римской пантомимы” связывается с именами плясуна-трагика Пилада и плясуна-комика Батилла (Бафилла) в 22 г. до н. э. Но придумали ее не эти прославившиеся актеры. Ксенофонт “Пир” заканчивается “Дионисом и Ариадной” — представлением безмолвных актеров. Ведущий (“сиракузянин”) предваряет его прологом, а сама сценка сопровождается игрой флейтисток. Упомянут орхестодидаскол, не учитель танцев, а постановщик, возможно, герои произносят отдельные реплики и определенно пользуются конвенциональными позами и фигурами.

Пантомима с элементами текста под греческим именем “орхесис” или под римским — *saltatio* известна широко и с самых архаических времен. Слово входит в спектакль и напрямик — через ведущего и прикровенно, в оболочке конвенционального жеста, — через хирономию, подобную мудрам индийских театральных систем.

Другое дело, что древний комментарий к показываемому адаптируется к литературному контексту своего существования, переворачивая исходное распределение ролей: если древний солист-гипокрит комментировал происходящее и показываемое, то в римской пантомиме и эллинистическом орхесисе текст кодифицирован и известен, и происходит перемещение акцентов: пляска без текста по-прежнему непонятна, но пуанта в том, что движения следуют тексту, а не текст поясняет зрелище. Когда виртуоз Телест в одиночку проплясал “Семеро против Фив” Эсхила (Athen. I 21 f), он, очевидно, отвлек интерес зрителей от всех поэтических и драматических качеств трагедии, ставшей уже “хрестоматийной”, и привлек его к своему виртуозному мастерству.

Танцор, который, по словам Лукиана, должен знать все, “о чем повествуют Гомер и Гесиод и лучшие из прочих поэтов, в особенности трагики” (De salt. 61), находит жестовые и танцевальные образы, которые соответствуют содержанию песни хора. Считать телодвижения “комментарием” было бы отступлением от данной выше дефиниции, и отступать я не стану. Помещенный в новую литературную культуру принцип архаического теа-

тра порождает новую форму — искусство орхестики или “римскую пантомиму”, формально тождественную архаическому зрелищу, а по сути, конечно, иную. Изошренность — главное содержание тех представлений, которые с таким восторгом описывает Лукиан. Он называет в качестве репертуара орхестики, т. е. пантомимического танца, весь мифологический и легендарный корпус греков. Мимическая пляска может изобразить все, начиная с сотворения мира из хаоса и возникновения первооснов вселенной и до событий времен Клеопатры Египетской (De salt. 36-37). Мастерство пантомима-солиста заключалось в умении перевести на язык жестов знаменитые поэтические тексты или философские учения. Лукиан (De salt. 35) считает, что из всех наук орхестика должна оказывать предпочтение философии, ибо больше всего в ней нуждается (?!). Афиней рассказывает о плясуне философе, по прозванию Мемфис, который “показывал”, какова философия пифагорейцев, “представляя все в молчании яснее, чем иные, выдающие себя за учителей словесного искусства” (Athen. I, 20 c-d). Возможно, речь идет о рабе императора Вера Агриппе, который в танце умел показывать переселение душ и даже пифагорейскую теорию чисел (Julian. Capit. Vita Veri Impr. 8). Плутарх сообщает, что и Платоновы диалоги разыгрывались пантомимически (Qu. Conv. VII, 711C). Тацит с возмущением говорит о падении ораторского искусства до лицедейского, ибо ораторы похваляются тем, что мимы могут “выплясывать и выпевать их сочинения” (laudis et gloriae et ingenii loco plerique iactant cantari saltarique commentarios suos: De orat. 26; ср. Cic. Brut. 61, 225). На Дионисиях орхестически исполняли “теологию” и “эпос” Орфея: одно плясали Горы, другое — Нимфы, третье изображалось от лица Вакханок (Phil. V. Ar. IV 21). Нерон намеревался плясать Турна, но не какого-нибудь легендарного, а именно Вергилиева (Suet. Nero 54). Часто либретто для пантомимического представления становилась история Дидоны и Энея (Macr. Sat. V, 17,5; Luc. De salt. 46); Овидий в Тристиях говорит, что его стихи пляшут (V, 7, 25-26: carmina postra saltari). Словесное искусство не считало зазорным состязаться с пантомимическим. По преданию, Цицерон и знаменитый актер Росций состязались, кто из них передаст одну и ту же мысль

большим числом способов: при этом актер варьировал жесты, а Цицерон слова, используя для поединка всю неистощимость своего красноречия (Macr. Sat. III, 14, 12)⁵⁵. Таким образом, из сосуществования архаического комментария к зримому с литературой родился балет на литературное либретто, язык жестов⁵⁶ и пантомима в современном смысле слова.

Рассмотрев архаичные театральные системы Запада и Востока, увидев, что для них на известной стадии характерна фигура пояснителя, чтеца, ведущего, даже полная или частичная немота актера, я пришла к выводу, что комментарии к изображению — суть универсальная прототеатральная форма⁵⁷.

Впрочем, комментарий к изображениям порождает театр не автоматически. Из экскурсий в музей не всегда получается спектакль. Но из комментария к картинам может получиться новый жанр. Комментирование для ученика и перед учеником изображений целой галереи у Филострата Старшего создало жанр экфрастической книги, или сборника, или антологии, который в различных модификациях продолжается в Византии и доживает в виде “Книг картин”, которые писали в начале XX в. разные авторы, до современности.

Комментарий и нарратив

Еще одним порождением комментария может считаться вымышленный нарратив. Обращение к традиционным и древним культурам делает особенно ясным, что последовательный рассказ в третьем лице о событиях, связанных между собою и часто следующих друг за другом во времени, а тем более письменное о них повествование, не являются ни “естественным” речевым отправлением, ни простой фиксацией такового⁵⁸. Вымышленное повествование, которое сознает себя в этом качестве, — культурное событие, возможное только в рамках определенных конвенций. Одна из важнейших таких конвенций в древних и традиционных культурах — оправдание вымысла, не отсутствие его, а иной, нежели в современной культуре, статус. У вымысла должна быть своего рода справка о благонадежности. Чтобы показать разницу вымысла древнего и давно укорененного и при-

вычного, напомним, что диалоги Платона выглядят как беседы реальных исторических лиц. Разумеется, никто в древности не считал их стенографическими записями реальных бесед. Но современники Платона или Ксенофонта скорее готовы были слышать речи, которых никогда не произносили исторические персонажи, нежели согласиться, чтобы сами персонажи были не существовавшими, не имели никакой “референции”. Конвенции современной культуры, так сказать, “противоположны”: всякое искажение высказываний или извращение действий реальных людей осуждается и может расцениваться даже как преступление. Используя подлинные факты, современный автор произнесет заклинание о том, что все события и персонажи вымышлены, а совпадения лиц или положений с реальными — случайны.

В традиционной культуре нарратив и вымышленный нарратив возникает как побочный продукт экзегезы сакрального текста. В индийской традиции по поводу высказывания одного мудреца пишется целая история его жизни, которая служит объяснением происхождения этого высказывания. Разве не удивительны вымышленные истории про людей из Библии в жанрах аггадических мидрашей? Ведь речь идет о Священном Писании, в котором нельзя изменить ни буквы, но можно сочинять — мы бы сказали “из головы” — целые подробные истории. В самой Библии также есть новеллистические истории, созданные по той же модели для объяснения более древнего и авторитетного текста. Канонизированность или апокрифичность таких книг — особый вопрос. Во всяком случае вымысел мидраша или парабола не входит ни в какое противоречие ни с сакральностью, ни с “истинной” и не предполагает никаких санкций. В уже упоминавшейся выше статье Даниил Боярин обсуждает нарративный мидраш как комментарий “в мире без Логоса”, сравнивает его с комментарием рациональным, “греческим”, отделяющим “тело” слов от духа смысла, и зачем-то еще с экономикой без общего эквивалента — меновой⁵⁹. Сравнение с меновой торговлей представляется ярким, хотя время мидрашей, которое Боярин имеет в виду, II–V вв. н. э., — это время римское, и говорить об эпохе меновой торговли, пусть даже в головах авторов мидрашей, странно. Однако парабол действительно совершает “герменевтический

прыжок”, когда “объясняет” одну историю или стих Библии другой историей. Для постороннего наблюдателя это подобно обмену козы на сапоги.

Как мидраш устроен апокриф “Иосиф и Асенет”, он распространяет до повести и согласовывает с различными нуждами переживаемой исторической ситуации упоминание о браке еврейского патриарха с дочерью египетского жреца. Каждый ход повествования, а всех деталей я привести здесь не могу, имеет соотнесенность 1) с библейским текстом Книги Бытия, 2) с “текстом” жизненной реальности и 3) с текстом пророчества Исаяи о почитании еврейского Бога в Египте. Апокриф отвечает схеме агадического мидраша: вопрос к библейскому тексту, ответом на который служит некая история. Так комментарий порождает повествование. Чтобы ответить на вопрос, может ли патриарх жениться на иноземке, язычнице, в зависимости от взглядов сочинителя, сочиняется история, и получается их много разных. Одна известна из еврейского мидраша, она делает Асенет подброшенной гелиопольскому жрецу дочерью Дины, внучкой Иакова, еврейкой по рождению. И сложная история рассказывает о том, как орел принес брошенного, но не убитого младенца на жертвенник бездетного жреца. А другая история, написанная в диаспоре и по-гречески, складывается иначе: Асенет — язычница и египтянка, но влюбившись в Иосифа, она внезапно видит в нем Сына Божия и отрекается от язычества. Как разрешение галахической проблемы первый вариант утверждает, что жениться можно только на еврейке, а второй предлагает прозелитизм. Этим содержание апокрифа не исчерпывается. Те, кому не важна галахическая проблема, читают “просто” занимательную историю. Будучи написан по-гречески в конце II в. до н. э., когда никаких записанных мидрашей еще как бы нет, апокриф оказывается протороманом, первым любовным романом, написанным по-гречески, начиная тем самым такое новое явление, как нарратив, уже отрывающийся от сакрального текста⁶⁰.

Таким образом, я прихожу к мысли, что комментарий порождает и вымышленный прозаический нарратив — центр того, что мы называем “художественной литературой”, литературное прозаическое повествование.

Комментарий и философские жанры

Комментарий к эпосу стал началом философии — греческой философии и вообще философской прозы. Эта мысль принадлежит Ю.А. Шичалину, во всяком случае мной усвоена с его слов⁶¹. Я воспользуюсь его идеей, чтобы ввести ее в более широкий контекст. “Философ”, как назвал себя Пифагор, — это ведь не мудрец, а только любитель мудрости. Но кто же мудрец? — Орфей, Мусей, Гомер.

Феаген Регийский в VI в. до н. э. предпринимает первое аллегорическое толкование Гомера. Видимо, в VI в. начинается и в целом орфико-пифагорейская традиция толкования эпических псевдоэпиграфов Орфея и Мусея. Так называемый Дервенийский папирус — философский комментарий на орфическую теогонию. Раз эпический текст подлежит комментированию, то создание философского эпоса — это своего рода предлог для возникновения комментария, а значит — диспута в кругу учеников, а значит — диалога. Диалоги Платона — не комментарий. Они имитируют беседы с Сократом, и это, разумеется, совершенно особый жанр, новизна бьет в нем в глаза, “инновация”, содержательная и формальная, созданная его гением, не могла спрятаться за жанровый образец, скажем, мимов Софрона. Платон — это инновация практически без ширмы, не считая ширмы Сократова образа.

Нечего говорить, что, комментируя древних философов, комментаторы высказывают новые философские идеи. Это кажется сегодня очевидным (см. выше), хотя целые столетия считалось, что философски комментарии к Аристотелю, например, вторичны и несамостоятельны и не могут сообщить ничего, кроме цитат из утраченных текстов. Комментаторы могут не хотеть высказывать новое. В знаменитом пассаже Симпликия о том, что надо писать так, чтобы ни в чем не перечить учителю, как если бы ты записался в его школу, а расхождения между Платоном и Аристотелем не подчеркивать, но, напротив, всеми способами отыскивать между ними гармонию, стремление к инновации не заметно (Simpl. Cat. 7.23-32). Но как достичь этой гармонии, если почитаемые авторитеты явно друг с другом несогласны? Надо придумать что-то новое, в чем эти противоречия исчезнут,

найти дух за буквой. Р. Сорабжи обращает внимание на то, что ограничивающее требование “гармонии”, которое могло бы уничтожить всякое новшество, напротив, стимулирует философское воображение⁶². Несмотря на почтение к авторитету, друг с другом комментаторы резко спорят: Ямвлих резко не соглашается с Порфирием и Плотиним, Дамаский — с Проклом, Симпликий порицает Филопона. Подчеркивая самостоятельность философского мышления комментаторов, Сорабжи называет их изобретателями многих идей, которые приписываются более поздним (XIII—XIV вв.) философам средневекового латиноязычного Запада, к примеру, идеи первоначального толчка, которую Томас Кун провозгласил революционным изобретением XIV в. и без которой не было бы научной революции. И я не скажу ничего нового, а просто укажу на общеизвестный факт, что неоплатоники, занимаясь комментированием и гармонизацией внутри платонизма и платонизма с аристотелизмом, создали нечто новое и неожиданным образом конгениальное враждебным им христианским богословам.

Итак, я хочу сказать, что в традиционной культуре комментарий, в том числе устный и импровизационный, к авторитетному и иногда малопонятному наследию, может оказываться механизмом не консервативным, а инновационным. Он порождает новые культурные формы, отнюдь не служебного характера, новые словесные жанры или даже виды искусства. Начало биографического романа усматривают в “Новой жизни” Данте. А ведь это комментарий автора к собственным стихам! Комментарий к традиционному жанру создает жанр нетрадиционный. Комментарий к традиционному жанру — это способ неосознанного преодоления традиции: построенный на уважении к авторитету, в результате он оказывается полигоном инноваций.

P.S.

Выше я упомянула о работе Джона Хендерсона, который уже довольно давно опубликовал пионерскую работу по сравнительной истории комментария (см. примеч. 30). Он сравнил складывание канона авторов под влиянием комментаторов, изучил, как комментаторская культура достигает своего апогея, посвятил одну главу

бессознательным установкам комментаторов (Commentarial Assumptions) и другую — сознательным стратегиям. Он завершил книгу описанием смерти и преобразования комментаторского мировоззрения. Хендерсон считает, что христианский комментарий к Библии, комментарий к Гомеру, начиная с античности, и в меньшей степени к конфуцианскому канону постепенно привели к общим интеллектуальным сдвигам Нового времени, которые радикально переменили сами комментаторские традиции. А древние и поныне существующие традиции комментирования Корана и Веданты, меняясь во времени, за свои пределы не вышли. Отличную судьбу комментария в исламе и индуизме Хендерсон связывает с отторжением вплоть до XIX в. книжниками на Ближнем Востоке и в Индии печатной книги. Канон создается комментарием, канонический текст изучается поколением за поколением все глубже и глубже. При этом если канонические книги одного канона, не говоря уже о разных, чрезвычайно непохожи друг на друга, то комментарии, особенно по мере удаления во времени и по мере нарастания “словес”, обретают все больше сходств. Все комментаторские традиции в какой-то момент сталкиваются с той самой каноничностью, которая является для них отправной точкой. Суть канона в том, что входящие в него книги представляются всеобъемлющими, связными, последовательными, в них нет ничего лишнего и есть все необходимое. Во всяком случае, вопросы об их непротиворечивости и цельности, наличие глубокого смысла, подлинности или неподлинности не могут возникнуть или вытесняются. Комментарий начинает подрывать каноничность. И через интеллектуальные революции в комментарии, через подрыв канона обретается такой общий взгляд на канонические тексты, который может допустить в них ошибки, неясности и противоречия (например, в библейской критике).

Не буду продолжать изложение, обсуждать или критиковать книгу Хендерсона, в его труде обобщающих положений на одной странице больше, чем в ином конференциальном сборнике в целом. Книгу следовало бы перевести и следовало бы знать всем, кто взялся писать о комментарии, но ссылок на нее я встречала немного. Думаю, повертев в руках столь экзотическое издание (Гомер и Конфуций? с какой стати? они не встречались!), его предпочитают отложить.

- 1 Приношу свою благодарность А.И. Шмаиной-Великановой, с которой обсуждалась эта работа в процессе ее написания.
- 2 *Розина Р.И.* О комментариях // Проблемы структурной лингвистики: 1984. М., 1988. С. 259–267; *Орешиников А.С.* Об универсальном комментарии // Проблемы структурной лингвистики: 1984. С. 268–271; *Шичалин Ю.А.* Возникновение европейской комментаторской традиции // Историко-филологический ежегодник – 89. М., 1989. С. 68–77; *Он же.* Комментарий к классическому произведению как вид учебного текста // Проблемы школьного учебника. М., 1990. Вып. 19. С. 72–91; *Гаспаров М.Л.* О переводимом, переводах и комментариях // Литературное обозрение. 1988. № 6. С. 45–48.
- 3 Комментарий: блеск и нищета жанра в современную эпоху (Стенограмма круглого стола в рамках XI Лотмановских чтений. Москва, РГГУ, 20 декабря 2003) // НЛО. 2004. № 66.
- 4 Текст и комментарий: круглый стол к 75-летию Вячеслава Всеволодовича Иванова / Рос. акад. наук, Науч. совет “История мировой культуры”, МГУ им. М.В. Ломоносова, Ин-т мировой культуры; [отв. ред. В.Н. Топоров; сост. Д.В. Вальков, Т.В. Цивьян]. М., 2006.
- 5 Я приведу здесь программу этой последней конференции, поскольку, в отличие от первых двух, от нее не осталось ни отчетов, ни сборника трудов: **“Комментарий в культуре: история и современность”, 11–12 апреля 2006 г.**

И.М. Савельева. Вступительное слово.

Н.В. Брагинская. Еще раз о комментариях как механизме инновации.

О. Меерсон. Зачала псалмов в двух изводах, герменевтические истоки проблемы в Септуагинте и последствия для культурного сознания.

Т.Ю. Бородай. Позднеантичные и средневековые комментаторы Аристотеля (Симпликий и Фома Аквинский).

Л.В. Евдокимова. Комментарий и перевод. Несколько примеров из истории французской литературы XIV–XV вв.

И.А. Пильщиков. Проблемы современного академического комментария.

А.И. Сосланд. Эволюция глубинно-психологического и клинического комментария к тексту.

Традиции патристического комментария в Византии и в Греции эпохи турецкого владычества

П.Б. Михайлов. Роль библейского комментария в воспитании христианского юношества древности.

А.В. Марков. Истокование античной пайдейи у греческих просветителей.

О.А. Родионов. Место комментария в просветительской деятельности Никодима Святогорца.

А.Ю. Виноградов. Комментарий на Песнь Песней Каллиста Ангеликуда.

Культура комментария в философии, богословии и литературе Европы от античности до начала Нового времени

- Д.К. Маслов.* Экзегетический метод. Толкования Бернарда Клервосского на Песнь Песней.
- М.Л. Хорьков.* Ян Ван Рюйсбрук: от библейского комментария к мистическому трактату.
- В.В. Смирнова.* Комментарий как механизм взаимодействия ученой и народной культур в средневековой латинской агиографии.
- П.А. Серкова.* Протестантская экзегеза в раннее Новое время: комментарий к Библии или Библия как комментарий?
- В. Арсланов.* Себастьян Франк как переводчик и комментатор античной литературы.
- О.С. Воскобойников.* Формы комментария в западноевропейской вероучительной литературе XIII в.
- С.В. Месяц.* Неоплатоническая экзегеза на примере мифа об Атлантиде.
- М.А. Солопова.* К проблеме трех средних книг Никомаховой и Евдемовой “Этик” Аристотеля.
- С.А. Степанцов.* Пс. 120 в экзегезе Аврелия Августина.
- Комментирование в культурах Востока**
- Е. Молодов.* Трапеза как попытка диалога: пути интерпретации библейских событий в раввинистической и христианской экзегезе.
- А.Б. Сомов.* Формирование образа Аарона-миротворца в библейской и раввинистической традициях.
- В.Б. Виноградская.* Комментарии в алхимической традиции “канонов киновари”.
- Комментаторские практики и самосознание культуры XX века. Круглый стол “Комментарий после интерпретации”**
- Е.Р. Меньшикова.* Гротескное сознание как художественно затранскрибированный комментарий современности.
- Д. Ольшанский.* Воспоминание. Повторение. Комментарий (стратегии речи в психоанализе).
- А.И. Пигалев.* Интерпретация греческих текстов у М. Хайдеггера и Розенштока-Хюсси.
- Т.Г. Щедрина.* Герменевтический комментарий. Выступления *В.А. Махлина, К.Г. Исупова, Н.Г. Полтавцевой, П.В. Лещенко, Е.И. Воробьевой.*
- 6 В опубликованных материалах круглого стола это не так уж и заметно, тем более что в публикации приняли участие авторы, приславшие ответы на вопросы анкеты, которые в большинстве своем оставались в рамках представления о комментарии как словесном тексте.
 - 7 Таков комментарий Б.М. Эйхенбаума к лирике Лермонтова, о котором говорит М.Л. Гаспаров как о не имевшем последователей, хотя, очевидно, последовал за Эйхенбаумом сам. Причем если комментарий Эйхенбаума превратился в статью ко всем стихотворениям книги, выстроенным им самим в некую логическую последовательность, то последний комментарий Гаспарова

к тому стихотворений Мандельштама устроен уже так, что соотношение текста и комментария перевернуто: первым читать надо комментарий, с заглядыванием по ходу чтения в текст стихотворений, а не наоборот. Если идти от стихотворения, то найти комментарий невозможно, зато читатель последовательно отсылается к различным стихам. Таким образом, вторичность или “паразитарность” комментария исчезла и вектор читательского движения повернут в противоположную традиционной сторону.

Между тем, чтобы этот комментарий утратил свою эксцентричность, достаточно представить его в электронном виде и сделать отсылки к стихам Мандельштама гиперссылками.

- 8 См.: Лотман Ю.М. Пушкин. СПб., 1995. С. 472–474.
- 9 Гаспаров М.Л. Ю.М. Лотман и проблема комментирования // НЛО. 2004. № 66. С. 70–74.
- 10 Там же. С. 70.
- 11 Жанр введения, *isagoge*, существовал в поздней античности; комментирование и толкование философских или медицинских текстов предварялось представлением автора, его сочинения и в целом предмета. Эти пролегомены строились по определенной “исагогической схеме”, см.: *Plezia M. De commentariis isagogicis*. Krakow, 1949 и *Mansfeld J. Prolegomena. Questions to be settled before the Study of an Autor, or a Text*. Leyden, 1994 (*Philosophia Antiqua*, 61).
- 12 См. описание этих категорий в электронном корпусе текстов В.Я. Брюсова: www.vbryusov.ru
- 13 Этот комментарий издан недавно вместе с его “Антологией античной лирики в русских переводах” (М., 2004; 2006. Лирика Эллады. Кн. 1, 2; 2006. Лирика Рима).
- 14 См.: *Dorandi T. Le style et le tablet*. P., 2000. P. 27 f.
- 15 *Бахтин М.М.* Собр. соч.: В 7 т. М., 2003 Т. 1: Философская эстетика 1920-х годов.
- 16 Пояснения денежных единиц часто предлагают нам превосходные образцы абсурдистской литературы. Так, в русском комментарии к “Иудейским древностям” Иосифа Флавия денежные единицы переводятся во франки, а франки в рубли серебром и ассигнациями. Перевод Генкеля вышел в 1900 г. Можно предположить, что он позаимствовал представление о покупательной способности драхм и сикелей из некоего французского пособия Бог весть какого времени. Отсюда франки. Эти неизвестно какого времени франки Генкель неведомым нам образом приравнял к рублям серебром и ассигнациями своего времени, а нынешний издатель бестрепетно перепечатал бесценные эти сведения для читателя XXI в.
- 17 Я встречалась даже с выражением “импортный комментарий”, т. е. практически целиком заимствованный из надежного “заграничного” источника.
- 18 Но поиск, к которому текст провоцирует комментатора, бывает очень неожиданным. Он, случается, озадачивает читателя древних схолий,

встречается он и в современности. Это принцип ассоциативного ряда, часто скрытый за предложениями читателю **сравнивать**, причем сравнивать с тем, что находится в другом месте (книге) и по непроясненному основанию: знаменитые комментаторские императивы “ср” и “см”. Но через двести лет кто-то будет торжествовать, разгадав “компаративный” умысел комментатора XX в. Так и для нас непонятные ассоциации схолиастов оказываются, по крайней мере, любопытны. Например, в византийской рукописи классического автора к слову, начинающемуся на “игрек”, на полях приводится еще несколько десятков слов тоже на “игрек”. Зачем? А затем, что итализм сделал орфографию слов на “игрек” весьма проблематичной, и переписчику, встретив такое слово, стоит припомнить, какие еще слова пишутся подобным образом.

- 19 Тенденциозность, или односторонность, может быть несколько не идеологичной. Так, односторонним будет комментарий в адаптированной для изучения иностранного языка книжке. Автор “не это” собирался сообщить своим читателям. То же касается в какой-то мере любого комментария, который извлекает из текста специфическую информацию. Скажем, искусствовед комментирует описание античных живописных картин, не обращая никакого внимания на их литературные задачи, словно автор сочинял их, предвидя почти полную гибель античной станковой живописи и с целью дать потомкам о ней некоторое представление. Описание изображения персонифицированной реки Нил у Филострата Старшего интересует искусствоведа потому, что он может сравнить его с сохранившейся Ватиканской статуей и порассуждать об иконографии Нила и о различии скульптурной и живописной иконографической схемы. Собственная же цель автора описания — заведомо не эта — его вообще не волнует. Это отношение к тексту скорее как к *источнику*, а не как к *произведению*.
- 20 См., например, остроумную статью Стива Нимиса о функции ссылок на Вилламовица фон Мёллендорфа в работах по классической филологии: *Nimis S. Fussnoten: Das Fundament der Wissenschaft*. Arethusa, 1984. N 17 (2). S. 105–134.
- 21 *Classical Review*. 2005. Vol. 55 (1). P. 169.
- 22 *Dickey E. Ancient Greek Scholarship. A Guidet. o Finding, Reading, and Understanding Scolia, Commentaries, Lexica, and Grammatical Treatises, from Their Beginnings to the Byzantine Period*. Oxford, 2007.
- 23 *Trojahn S. Die auf Papyri erhaltenen Kommentare zur Alten Komödie. Ein Beitrag zur Geschichte der antiken Philologie*. BzA 175. München; Leipzig, 2002.
- 24 Ed. H. Diels (Berlin).
- 25 *Sorabji R. The Philosophy of the Commentators 200–600. A Sourcebook*. L., 2004. Vol. 1–3.
- 26 По следам конференции 2002 г. в честь Ричарда Сорабжи составлен сборник, авторы которого занимаются философскими комментариями. И у них тоже есть новые идеи. Но еще нет того, кто смог бы так же выделить общее

- в их понимании античного комментария; они занимаются комментариями, но не комментарием: *Philosophy, Science and Exegesis in Greek, Arabic and Latin Commentaries* / Ed. P. Adamson, H. Baltussen and M.W.F. Stone. Institute of Classical Studies. School of Advanced Study, University of London, 2004. Vol. 1–2.
- 27 На круглом столе Лотмановских чтений о комментарии была достаточно ясно высказана претензия современных практиков комментария на более почетное место в культурной иерархии, нежели им отведено обществом: см. выше примеч. 3.
- 28 См. примеч. 42.
- 29 История сноски, например, написана принстонским историком образования и книжности Энтони Грефтоном: *Grafton A. Footnotes. A curious History*. Princeton, 1998. История касается только европейского материала, но и при этом является книгой вполне новаторской.
- 30 См., например, пионерскую в этом отношении работу, сравнивающую толкования Гомера и Конфуция: *Henderson J. Scripture, Canon and Commentary: A Comparison of Confucius and Western Exegesis*. Princeton, 1991.
- 31 *Der Kommentar in Antike und Mittelalter. Beiträge zu seiner Erforschung. Clavis Commentatoriorum Antiquitatis et Medii Aevi 2* / Ed. by W. Geerlings, Ch. Schulze. Leiden, 2002. P. viii, 371. Книга представляет собою второй том в серии *Clavis commentariorum antiquitatis et medii aevi* под общей редакцией Вильгельма Геерлингса. Серия предполагает включить *Clavis commentariorum veteris et novi testamenti* и корпус медицинских комментариев; первым томом была книга Сиби́ллы Им (Sybille Ihm) *Clavis commentariorum der antiken medizinischen Texte*.
- 32 *Wilhelm Geerlings. Die lateinisch-patristischen Kommentare. Hildegung Müller. Zur Struktur des patristischen Kommentars. Drei Beispiele aus Augustins Enarrationes in Psalmos. Karla Pollmann. Apocalypse now? Der Kommentar des Tyconius zur Johannesoffenbarung. Wolfgang Luppe. Scholia, hypomnemata, und hypothesen zu griechischen Dramen auf Papyri. Otto Zwierlein. "Interpretation" in Antike und Mittelalter. Ulrich Schindel. Wechselwirkungen zwischen Autoren-Kommentar und systematischen Lehrbuch. Lucie Dolezalova. The Cena Cypriani, or the Game of Endless Possibilities. Gilles Corival. Exégèse juive et exégèse chrétienne. Dagmar Börner-Klein. Rabbinische Kommentare zu Genesis 6. 2-7. Elisabeth Hollender. Hebräische Kommentare hebräischer liturgischer Poesie: eine Taxonomie der wichtigsten Kommentarelemente. Isetraut Hadot. Der fortlaufende philosophischen Kommentar in der Antike. Cristina D'Ancona Costa. Commenting on Aristotle: from the Late Antiquity to the Arabic Aristotelianism.*

- Gotthard Strohmaier. Galen als Hippokrateskommentator. Der griechische und arabische Befund.*
- Klaus-Dietrich Fischer. "Zu des Hippokrates reich gedeckter Tafel sind alle eingeladen" Bemerkungen zu den beiden vorsaalemitanischen lateinischen Aphorismenkommentaren.*
- Sybille Ihm. Untersuchungen zu einer Typologisierung medizinischer Kommentare. Christian Schulze. Das Bild als Kommentar – Zur Problematik von Pflanzendarstellungen in spätantiken und mittelalterlichen Handschriften.*
- Наиболее общая работа О. Цвирлейна представляет собой републикацию (Funke G., Riethmüller A., Zwierlein O. Interpretation. Abh. Akad. Mainz 6. Stuttgart, 1998. P. 31–53), как и работа Ж. Дориваля. Два других автора были участниками международной конференции под Парижем, и французские варианты их статей были опубликованы в сборнике, который будет обсуждаться ниже.
- 33 *Der Kommentar in Antike und Mittelalter. Neue Beiträge zu seiner Erforschung* / Ed. W. Geerlings, Ch. Schulze. Leiden, 2003. Bd. 2.
- 34 *Mieczyslaw Mejer. Bryn Mawr Classical Review 2004.03.24* и *Daniel Stökl Ben Ezra, Bryn Mawr Classical Review 2004.03.46.*
- 35 Идеи, высказанные еще в начале 1960-х годов, получили известность скорее в 80-х, стали общим достоянием в 90-х, см., в частности: *Havelock E.A. The muse learns to write: reflections on orality and literacy from antiquity to the present* / E.A. Havelock. New Haven, 1986; *Item. The literate revolution in Greece and its cultural consequences* / E.A. Havelock. Princeton, 1982.
- 36 Правило не без исключений: философский комментарий не обязательно следует педагогической или информационной траектории.
- 37 Например, некоторые еврейские комментарии к литургической поэзии по сей день не опубликованы и существуют в рукописном виде. Статья Э. Холландер, посвященная этому виду комментария, рассматривает технику лингвистического и содержательного пояснения, а также интертекстуальные связи с библейской и раввинистической литературой. Редкость, о которой вспомнил автор из другого тома, посвященного классическому комментарию, — написанные на древнегреческом комментарии Адамания Кораиса, который в начале XIX в. хотел вернуть грекам язык их былой свободы.
- 38 *Commentaries. Kommentare. Aporemata. Kritische Studien zur Philologiegeschichte* / Ed. G. Most. Göttingen, 1999. Bd. 4. Составитель и издатель ранее выпустил в этой серии сборники, посвященные изданию собраний фрагментов и изданию текстов как таковых, в этом томе ему принадлежит предисловие "Some Reflections on Commentaries".
- Glenn W. Most. Preface. A. Commentaries on Religious Texts. Stefan M. Maul. Das Wort im Worte. Orthographie und Etymologie als hermeneutische Verfahren babylonischer Gelehrter. Daniel Boyarin. The Bartered Word: Midrash and Symbolic Economy.*

Cristoph Marksches. Origenes und die Kommentierung des paulinischen Römerbriefs — einige Bemerkungen zur Rezeption von antiken Kommentartechniken im Christentum des dritten Jahrhunderts und ihrer Vorgeschichte.

Rudolf G. Wagner. Exploring the Common Ground: Buddhist Commentaries on the Taoist Classic 'Laozi'.

Dale F. Eickelman. Islamic Religious Commentary and Lesson Circles: Is There a Copernican Revolution?

B. Commentaries on Scientific and Philosophical Texts.

Alexander Jones. Uses and Users of Astronomical Commentaries in Antiquity.

Ineke Sluiter. Commentaries and the Didactic Tradition.

John Dillon. A Case-Study in Commentary: the Neoplatonic Exegesis of the 'Prooimia' of Plato's Dialogues.

John T. Vallance. Galen, Proclus and the Non-submissive Commentary.

C. Commentaries on Paintings and Sculptures.

Katharina Krause. Kommentare zu Bildern. Die 'Conférences de l'Académie Royale de Peinture et de Sculpture' (1667).

Barbara Borg. Allegorie der Kunst — Kunst der Allegorie. Winckelmanns 'Kunstbeschreibungen' als archäologischer Kommentar.

Luca Giuliani. Winckelmanns Laokoon. Von der befristeten Eigenmächtigkeit des Kommentars.

D. Commentaries on Literary Texts.

Simon Goldhill. Wipe Your Glosses.

Don P. Flower. Criticism as Commentary and Commentary as Criticism in the Age of Electronic Media.

Hans Ulrich Gumbrecht. Fill Up Your Margins!

³⁹ Le Commentaire entre tradition et innovation. Actes du Colloque international de l'Institut des Traditions Textuelles (Paris Villejuif, 22–25 sept. 1999) / Publ. sous dir. M.-O. Goulet-Cazé, avec coll. édit. de T. Dorandi, R. Goulet [et al.], P., 2000.

⁴⁰ Fédération de recherche в CNRS, прикрепленный к Эколь Пратик дез От Эюд (V секция), и Université de Paris I и VII. le Centre d'études des religions du Livre [directeur: Ph. Hoffmann]; le Laboratoire de médiévistique occidentale de Paris [руководитель — J.-Ph. Genet]; le Centre d'histoire des Sciences et des Philosophies arabes et médiévales [руководитель — R. Rashed]; l'Unité propre de recherche: Histoire des doctrines de la fin de l'Antiquité et du Haut Moyen Âge — l'Année Philologique [руководитель — M. Narcy].

⁴¹ Le commentaire entre tradition et innovation. Actes du colloque international de l'institut des traditions textuelles (Paris et Villejuif, 22–25 septembre 1999) / Ed. M.-O. Goulet-Cazé. P., 2000; эта книга доступна не во всех крупных библиотеках Европы. Поэтому я не сочту лишним привести здесь по крайней мере ее оглавление:

Marie-Odile Goulet-Cazé. *Avant-propos*

I. LE SUPPORT MATÉRIEL DU COMMENTAIRE

A. Antiquité classique

Tiziano Dorandi. Le commentaire dans la tradition papyrologique: quelques cas controversés.

Herwig Machler. L'évolution matérielle de l'*hypomnèma* jusqu'à la basse époque.

Isabella Andorlini. Codici papiracei di medicina con scoli e commento.

B. Monde byzantin

Guglielmo Cavallo. Una mano e due pratiche. Scrittura del testo e scrittura del commento nel libro greco.

Marilena Maniaci. Stratégies de juxtaposition du texte et du commentaire dans quelques manuscrits d'Homère.

Laurence Vianès. Aspects de la mise en page dans les manuscrits de chaînes sur Ézéchiël.

J.-H. Sautel. Aspects de la mise en page des manuscrits grecs à chaînes exégétiques (Paris, BnF, Fonds Coislin).

C. Moyen Âge latin

Louis Holtz. Le rôle des commentaires d'auteurs classiques dans l'émergence d'une mise en page associant texte et commentaire (Moyen Âge occidental).

Luciana Devoti. Iperstualità del commento e strategia di copia: la glossa accursiana al *codex* di Giustiniano.

Paola Busonero. Un classico e il suo commento: Seneca tragico nel basso medioevo.

Simonetta Marchitelli. Da Trevet alla stampa: Le Tragédie di Seneca nei commenti tardomedievali.

Antonella Tomiello. Scrittura di testo e scrittura di glossa nella cosiddetta "*littera bononiensis*".

Caria Bozzolo. La diffusion des commentaires dans quelques aires européennes (à partir des manuscrits datés).

II. LES COMMENTAIRES BIBLIQUES

Gilles Dorival. Exégèse juive et exégèse chrétienne.

Lorenzo Perrone. Continuité et innovation dans les commentaires d'Origène.

Wilhelm Geerlings. Les commentaires patristiques latins.

Gilbert Dahan. Le commentaire médiéval de la Bible. Le passage au sens spirituel.

Table ronde sur les commentaires de Genèse-2,24

Présentation

Alain Le Boulluec. L'exégèse de Genèse 2,24 dans le christianisme antique (tradition grecque principalement).

Goulven Madec. "Deux en une seule chair". La lecture augustinienne de Genèse 2,24.

Jean-Christophe Attias. Exégèses rabbiniques de Genèse 2,24: entre commentaire et surcommentaire.

Charles Mopsik. "Ils seront une seule chair": Quelques interprétations des mystiques juifs médiévaux.

III. LES COMMENTAIRES SCIENTIFIQUES ET PHILOSOPHIQUES

- Jacques Jouanna. La lecture du traité Hippocratique de la *Nature de l'homme* par Galien.
- Richard Sorabji. Is the true self an individual in the Platonist tradition?
- Concetta Luna. Syrianus dans la tradition exégétique de la *Métaphysique* d'Aristote, I: Syrianus entre Alexandre d'Aphrodise et Asclépius.
- Cristina D'Ancona. Syrianus dans la tradition exégétique de la *Métaphysique* d'Aristote, II: Antécédents et postérité.
- Luc Brisson. Le commentaire comme prière destinée à assurer le salut de l'âme. La place et le rôle des *Oracles Chaldaïques* dans le Commentaire; sur le *Timée* de Platon par Proclus.
- Philippe Hoffmann. Les catégories aristotéliennes $\mu\acute{o}\tau\acute{\epsilon}$ et $\mu\acute{o}\nu$ d'après le commentaire de Simplicius. Méthode d'exégèse et aspects doctrinaux.
- Catherine Dalimier. Les enjeux de la reformulation syllogistique chez les commentateurs grecs du *De Caelo* d'Aristote.
- Henri Hugonnard-Roche. La formulation logique de l'argumentation dans les commentaires d'Averroès au *De Caelo*.
- Jean Jolivet. Le commentaire philosophique arabe.
- Jean-Luc Solère. D'un commentaire l'autre: l'interaction entre philosophie et théologie au Moyen Âge, dans le problème de l'intensification des formes.
- Michel Hulin. Le commentaire dans la littérature philosophique de l'Inde ancienne.

Table ronde sur les commentaires alchimiques

Présentation

- Sylvain Matton. Le commentaire dans la littérature alchimique.
- Cristina Viano. Quelques aspects, théoriques et méthodologiques des commentaires alchimiques gréco-alexandrins.
- Antoine Calvet. Un commentaire alchimique du XIVe siècle: le *Tractatus parabolicus* du ps.-Arnaud de Villeneuve.
- Didier Kahn. Les commentaires alchimiques de textes littéraires.
- Jean-Marc Mandosiq. Commentaire alchimique et commentaire philosophique.

Table ronde sur les commentaires en histoire des sciences

Présentation

- Régis Morelon. Les astronomes arabes ont-ils commenté Ptolémée?
- Tony Lévy. Les commentaires médiévaux des *Éléments* d'Euclide: un genre?
- Ahmad Hasnawi. Commentaire et démonstration. Brèves remarques sur la *Physique* du *Sifâ'* d'Avicenne.
- ⁴² The Classical Commentary. History, Practices, Theory. Mnemosyne Supplement 232 / R.K. Gibson, Ch.Sh. Kraus. Leiden, 2002.
- Christina Shuttleworth Kraus. Introduction: Reading Commentaries / Commentaries as Reading.
- Stephanie West. Starting from the *Telemachy*.
- Irene J.F. de Jong. A Narratological Commentary on the *Odyssey*: Principles and Problems.

- Susan Stephens. Commenting on Fragments.
- Richard Hunter. The Sense of an Author Theocritus and [Theocritus].
- Heinrich von Staden. "A Woman Does not Become Ambidextrous": Galen and the Culture Scientific Commentary.
- Felix Budelman. Classical Commentary in Byzantium: John Tzetzes on Ancient Greek Literature.
- Andrew Laird. Juan Louis de la Cerda and the Predicament of Commentary.
- John Herderson. The Way We Were: R.G. Austin in *Caelianum*.
- Albert Rijksbaron. The Xenophon Factory.
- Rhiannon Ash. Between Scylla and Charybdis? Historiographical Commentaries on Latin Historians.
- Christopher Rowe. Handling a Philosophical Text.
- Andrew R. Dyck. Text and Commentary: The Example of Cicero's *Philosophica*.
- Roy K. Gibson. 'Cf. e.g.': A Typology of 'Parallels' and the Role of Commentaries on Latin Poetry.
- Willard McCarty. A Network with a Thousand Entrances: Commentary in an Electronic Age?
- Elaine Fantham. Commenting on Commentaries: A Pragmatic Postscript.
- ⁴³ Ancient Greek Novels: the Fragments. Introduction, Text, Translation and Commentary / Ed. by S. Stephens, J. Winkler. Princeton, 1995.
- ⁴⁴ Gumbrecht H.U. Fill Up Your Margins! About Commentary and *Copia* // Commentaries. Commentare. Aporemata. P. 443–453.
- ⁴⁵ Henderson J. Oxford Reds: Classic commentaries on Latin Classics. L., 2006. Не путать с полным тезкой и автором новаторской книги о мировых традициях комментария, см. примеч. 30.
- ⁴⁶ Les commentaries et la naissance de la critique littéraire. France / Italie (XIVe–XVIe siècles). Actes du Colloque International sur Commentaire. Paris, mai 1988. Textes réunis et présentés par G. Mathieu-Castellani et M. Plaisance. P., 1990.
- ⁴⁷ On Renaissance Commentaries. Noctes Neolatinae. Neo-Latin Texts and Studies / Ed. by M. Pade. Hildesheim, 2005. Bd. 4.
- ⁴⁸ Вообще в медицинских комментариях и античных, к Гиппократу, и средневековых переход в свободное изложение ("экспозицию") — это скорее норма, если автор — врач. У врача есть свой опыт наблюдения и свои соображения по поводу болезни и лечения, которые он не преминет сообщить.
- ⁴⁹ Брагинская Н.В. Комментарий как механизм инновации // Текст и комментарий: круглый стол к 75-летию Вячеслава Всеволодовича Иванова. С. 133–143.
- ⁵⁰ См. об этом: Aristotle transformed: the ancient commentators and their influence / Ed. R. Sorabji. L.; N.Y., 1990.
- ⁵¹ Китайский путешественник Ма Хуан в 1416 г. говорит это в описании Явы, а Кунг Чен (акме — 1430–1434) — в разделе "Яванское царство" в книге "Сообщение о чужих народах по ту сторону западного океана".

- 52 Впрочем, “Ши-дзин” — это стихотворный комментарий к прозаической гадательной книге “И-дзин” (пример подсказан А.И. Шмаиной-Великановой). Древняя гадательная книга обладает такой степенью неочевидности ее содержания, что обычное соотношение стиха и прозы нарушается. Возможны и другие случаи такого рода.
- 53 Пиотровский Адр., Гвоздев А. История европейского театра. М.; Л., 1931. С. 283.
- 54 Там же. С. 284. Надо, тем не менее, отдать должное Адриану Пиотровскому за то, что он увидел сходство римских пантомимов и восточных театральных систем, хотя отнес это на счет цеховой дифференциации ремесленников-виртуозов.
- 55 Ср. Luc. De salt. 62: “миму свойственно показывать то, что поют, движениями”; Athen. 1, 21 f: “Глестий или Телест, обучавший пляскам, создал много жестов, искусно изображая то, что читали (т. е. декламировали)”.
- 56 Царек с Понта просил у Нерона в подарок пантомима, чтобы тот служил ему толмачом (Luc. De salt. 64).
- 57 См. тезисное изложение своего рода “теории” архаического театра в моей заметке “Демонстрация изображений — архаический тип представления. К постановке проблемы // Изобразительное искусство и театр: тема, образ, метод: Сб. статей / Гос. Эрмитаж; под. ред. А.В. Камчатовой. СПб., 2006. С. 3–10.
- 58 У повествования есть происхождение, способ его порождения и конструирования. О не “естественном”, а культурном характере нарратива говорит хотя бы большой, но не безграничный, тезаурус сюжетных схем, разнообразно аранжируемых в древних литературах.
- 59 См. выше примеч. 38.
- 60 См. мою статью: “Иосиф и Асенет”: “мидраш” до мидраша и “роман” до романа / Н.В. Брагинская // Вестник древней истории. 2005. № 3. С. 73–96; 2007. № 1. С. 32–75.
- 61 Шичалин Ю.А. Возникновение европейской комментаторской традиции. С. 68–77; Он же. Комментарий к классическому произведению как вид учебного текста. С. 72–91.
- 62 Sorabji R. The Philosophy of the Commentators 200–600. P. 43.

В.Б. Виноградская

САМОСОЗНАНИЕ ТРАДИЦИИ

Комментарии в традиции канонов киновари от Вэй Бо-Яна до Лю И-Мина (II–XIX вв.)

ДАОССКАЯ АЛХИМИЯ СТРЕМИТСЯ к обретению телесного бессмертия при помощи эликсира из киновари (*дань*), поэтому она называется “Дао киновари” (*дань Дао*), а соответствующая текстовая традиция — “канаонами киновари” (*дань цзин*) или “книгами киновари” (*дань шу*). Символизм киновари состоит в том, что при ее нагревании выделяются ртуть и сера, которые в дальнейшем должны вновь соединиться. Красное (сера) и белое (ртуть) сливаются в бессмертный зародыш, как эмбрион образуется из спермы отца и менструальной крови матери. В Китае алхимия входит в число психофизических практик “пестования жизни” (*ян шэн*), к которым также относятся различные виды работы с энергией *ци* и сексуальные практики. Вместе они образуют одно из ведущих направлений развитого даосизма. Описание алхимической традиции, исследований, ей посвященных, а также подробный разбор мировоззренческой базы представлен в очерке Е.А. Торчинова “Религиозная доктрина даосизма: учение о бессмертии и путях его обретения” (Чжан Бо-Дуань. “Главы о прозрении истины”. СПб., 1994). Поэтому далее затрагиваются только аспекты, непосредственно касающиеся более узкой “текстовой” темы. Кроме того, дается самый общий очерк традиции без обращения ко многим важным произведениям, как, например, *Бао Пу-цзы* или трудам легендарного Лю Дун-Биня.

Даосская алхимия никогда не являлась магистральным направлением для китайской культуры, в которой на протяжении двух тысячелетий нашей эры главенствовало конфуцианство. Даже внутри даосизма, за исключением отдельных периодов, она не выходит на первый план. Тем не менее главные тексты традиции